

НАШИ • ТАМ

АЛЕКСАНДР БОРИСОВ
ТАК НЕ БЫВАЕТ,
ИЛИ
ХРЕН ЗНАТ

Наши там (Центрполиграф)

Александр Борисов

Так не бывает, или Хрен знает

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Борисов А. А.

Так не бывает, или Хрен знат / А. А. Борисов —
«Центрполиграф», 2020 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09230-4

Шёл человек получать пенсию. И что-то с ним на перекрёстке случилось. То ли под машину попал, то ли сердце пошло вразнос. Очнулся чёрт знает где, но при своей старческой памяти. Огляделся – а это детство. И кем он теперь приходится своему юному телу: то ли хозяин, то ли незваный гость. Как говорят на Севере, хрен знат.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09230-4

© Борисов А. А., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Глава 1. Из дома домой	6
Глава 2. Первое несовпадение	14
Глава 3. Дуэльный кодекс	22
Глава 4. Опять Горбачёв	30
Глава 5. Я приступаю к модернизации	38
Глава 6. Первые сдвиги	47
Глава 7. Бес в ребро	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Борисов

Так не бывает, или Хрен знает

© Горохов А.А., 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

* * *

Глава 1. Из дома домой

Я шёл получать пенсию. Это дело долгое и ответственное.

Сегодня одни только сборы заняли не менее часа. Опять потерялись очки. Вот прямо какая-то чертовщина: с вечера лежали в футляре, а с утра уже нет. Весь дом перерыл – тщетно. Хотел уже было идти просить у соседа, да вовремя увидел лопату. Только тогда вспомнил – это ведь я вчера котёнка закапывал! Задавил бесхозную животину какой-то лихач и бросил мне под калитку, чтобы в следующий раз колёса не пачкать. А может, это не он, а кто-то из безгловых прохожих. Мол, твоя территория – тебе и за порядком следить.

Нет, не те люди пошли! Мальчишкой я знал на этой улице всех. Не только людей, но даже собак и кошек. Жизнь была нараспашку. Женили и хоронили, детей в армию провожали всем обществом. А теперь? Давеча встал напротив меня какой-то нерусский хлыщ на чёрной машине и давай приставать:

– Где здесь, отец, Мнацаканов Миша живёт? Полный такой, армянин, золотом занимается?

А хрен его знает, где. Отвяжись, человек, занят я. Не видишь – яму копаю. Безлюдье у нас. Отгородились соседи от жизни заборами да воротами. Когда-никогда поднимутся жалюзи, выплунут иномарку, а кто там за окнами – поди разгляди: может, Колька Петряк, может, дети его, может, внуки. Может, нет уже того Кольки, закопали по-тихому. Кто же по нынешним временам будет старого деда на похороны звать? Нерентабельно это. Больше штуки в гроб не положит, а ну как сожрёт на две?!

В общем, нашёл я свои очки под старым орехом. Снял, наверное, вчера, чтобы с носа не падали, и положил на видное место. Да так и забыл. Хорошо хоть, лопату занёс.

Иду я себе, опираюсь на тросточку, посматриваю на часы. Хочется управиться до обеда, да разве успеешь дотелепать такой ходовой частью? Беда с этим тромбофлебитом! Три шага шагнул – перекур, иначе совсем упадёшь. Боль такая, что ноги не поднять. Через железную дорогу я давно не ходок: ни под вагоном пролезть, ни до подножки тамбура не добраться, ни даже через рельсы переступить. Это в детстве я летал напрямик, через железку: восемь минут – и в школе. Ещё успевал по дороге камешки подфутболивать. Теперь вот приходится делать крюк до ближайшего подземного перехода. Хм, до ближайшего! Их тут поблизости два, и оба ближайшие: что туда, что сюда – полтора километра.

Ну вот, светофор опять не работает! Смотрит на меня красным глазом и не моргает. Машины потоками в обе стороны, ну хоть бы одна падла притормозила! С двух попыток добрался до островка безопасности. Выбрал момент – и дальше трусцой... еле успел! Выскочил на тротуар, нога по траве поехала, и так её болью скрутило, аж искры из глаз! Да что ж это за день такой невезучий?!

Вслепую дошёл до заборчика, опёрся на него. Стою отдыхаю, а сам себе думаю: и откуда бы здесь взяться траве? Так нет, вроде бы видел, под ногой зеленела, и запах...

Тут слышу, кто-то за плечи меня обнимает, и голос знакомый:

– Санёк, это ты, что ли? Хоть бы, бляха, предупредил, что в шутку. Я и зарядил бы с разворота...

Смотрю и не верю глазам: да это же Колька Лепёха, которого мы схоронили лет тридцать назад. Он первым из нашего класса в гору пошёл. В том смысле, что кладбище у нас на горе.

Вот тут-то я и смекнул, что тоже, стало быть, помер. То ли от машины не увернулся, то ли сердце вразнос. А Колька у меня типа предсмертных воспоминаний.

В общем, стою я, жду продолжения, а их, эти воспоминания, будто заклинило. Лепёха не пропадает, на цырлах¹ танцует, в извинениях рассыпается. Что типа стоял он, последней спичкой бычок прикуривал, а тут – я его в спину! Окурок сломался, спичка напрасно сгорела – налицо материальный ущерб. Но если бы он знал, что это моя светлость...

Ещё бы он, падла, не извинялся! Тоже, наверное, помнит, как в рыло от меня получал. Я хотел было подсчитать, на сколько ящиков он меня наказал, когда мы в подшефном колхозе огурцы собирали. Но вовремя вспомнил, что о покойниках плохо не говорят. Вот когда закопают, тогда буду и я таким же, как он, а пока есть надежда, что скорая откачает, нужно держать язык за зубами.

Потом Лепёха наконец сгинул. Не исчез, как рассказывали по телику очевидцы, пережившие смерть, а сдёрнул на полусогнутых. Сказал, что водички сейчас принесёт, чтобы я морду свою умыл. Он жил здесь неподалёку – направо четвёртый дом.

А я, значит, стою в подвешенном состоянии. Можно сказать, между жизнью и смертью. Кровища из носа самая натуральная, под глазами свербит, наливается, быть к вечеру тёмным очкам. В переносицу, падла, попал! И главное, знаю, что всё это фикция, что лежу я сейчас в реанимации и надо мной колдуют врачи. А хочется догнать стервеца и отвесить ему полный подсрачник. За «нечаянно» положено в бубен!

Потом это дело мне надоело. Что толку вот так стоять? Тросточку потерял, очки чёрт его знает где. Пластиковая карта? Какая тут на хрен карта, если я в грязной майке, линялых спортивных штанах и китайских кедах?! Сходил за пенсией называется! Не вернуться ли мне домой, пока ноги не возражают? Может, успею увидеть кого-нибудь из родных? А то всех вместе: бабушку, дедушку, маму? Ради этого можно и помереть!

Повернулся я... моп твою ять! – асфальт с главной дороги будто грейдер ножом смахнул! На ней – ни единой машины, только цыган на бричке лошадку свою нахлёстывает. Поравнялся со мной, чёрным взглядом в душу заглядывает. Цыгане же, говорят, с чёртом запанибрата. Прознал, наверное, падлюка, что перед ним натуральный покойник, или, как его, привидение. Ан нет! И говорит:

– Эк тебя, пацан, угораздило! Ты бы голову запрокинул да пару минут так постоял. Сопли и успокоились бы.

И дальше – цок, цок!

Ну что ж, думаю, дельный совет. Я и сам его знал, да с детства забыл. Лет сорок в сопатку не получал.

Перешёл через улицу, прислонился к тополю у обочины, смотрю в небо. Там без единой слезинки насквозь просматривается синь. Кобчик на горизонте сужает круги. Пыль, как табачный дым, языками стелется над листвой. Кажется, прищурю глаза – каждую молекулу воздуха рассмотрю. Хорошо! Только домой надо, а то не успею. Как у них там? Прямой массаж – и будьте любезны пожаловать на зассанную кровать!

Иду я и удивляюсь. Насколько всё же духовный мир точнее материального! Я вроде забыл, какие деревья росли у забора «Заготконторы», но память услужливо всё преподносит в мельчайших подробностях. И тополёк белолистый, и вербу кривую, и клён-недоросток, родившийся сам по себе там, где пивной ларёчек привечал страждущих. Какой-нибудь работяга вытряхивал мелочь из кармана фуфайки да обронил кленовое зёрнышко.

Ноги-то, ноги как радуются! Надоело им, бедным, шлифовать поверхность земли, так и норвят разбежаться, подпрыгнуть, чтобы я нижнюю ветку руками достал. Только я воли им не даю. Поспешаю, но марку держу: негоже солидному человеку изображать из себя кенгуру. Здесь каждый шаг, как зарубка на сердце.

¹ Цырлы – пальцы ног.

Вот у этих деревянных ворот, откуда выходит одиночная железнодорожная колея, продавались новогодние ёлки. Паровоз подгонял большой грузовой вагон, экспедитор снимал пломбу и – кому что попадёт. Из-за одного только запаха стоило в очереди стоять! Нам с дедом не везло. Ёлочки попадались настолько худые и жидкие, особенно с северной стороны, что приходилось покупать две. Дома их связывали стволами, и получалось нечто приемлемое, дефекта не видно за игрушками. А их в нашем доме было – не сосчитать! Дед доставал с чердака большой зелёный сундук, и начиналось творчество.

Нет уже той колеи, на металлолом разобрали. И деревьев тех тоже нет. Сейчас на том месте ряды коммерческих магазинов. Вместо складов «Заготконторы» – четыре оптовые базы одного и того же хозяина. Единственное, что было здесь до меня и останется после, – это огромная лужа. Сколько разных организаций пытались её засыпать! Сколько вбухали денег в щебёнку и гравий! А она всё стоит в прежних границах. Зимой радуется пацанов, а летом – лягушек. Разгонишься было, когда на ней лёд встанет, и катишь без всяких коньков на подошвах своих кирзачей!

Я, честно сказать, и забыл, что помер. Так всё натурально, будто в кино бD. И запах тебе, и цвет, и полный эффект присутствия. Вон угольной пылью как потянуло! А чё удивляться? Паровоз под парами стоит. Отсюда не видно какой. Наверное, «эрка». И состав за ним длинный-предлинный. А вдоль вагонов осмотрщик идёт – дядька Ванька, покойник. Он жил по соседству, на другой стороне нашей речушки. В правой руке у него молоток, а в левой – маслénка. Подходит к колёсной паре – стук по бандажу, стук по буксе. И так у него ладно всё получается! Молоточком крышку открыл, масла долил – следующий вагон. Всё видит, всё слышит, всё замечает. Это же дядька Ванька тетрадку мою нашёл и деду отдал. Я её на платформу под брёвна засунул, сверху корой прикрыл. «Лети, – думал, – моя двойка, подальше от нашего дома!» А он углядел. Вот и сейчас, скользнул по мне взглядом, будто сфотографировал, и подбородком кивнул: давай, мол, пострел, пока безопасно.

– Здравствуйте, дядя Ваня! – сказал я на всякий случай и нырнул под вагон.

А голос у меня тонкий-претонкий, ещё не ломается.

На железной дороге я тоже когда-то знал каждого. И со всеми здоровался. А попробуй пройти мимо! Во-первых, дома будут проблемы, а во-вторых, самый первый телевизор на нашей улице появился в депо. Назывался он несолидно – «Комбайн», но зато по нему показывали кино о майоре Вихре. Всех телезрителей красный уголок не вмещал. Одних только взрослых – по три кандидата на стул. Пускали и нас, пацанов, если общество было не против. Одним разрешали полежать на полу в проходе, других разворачивали с порога:

– Потом приходи. Когда папка научит шапку сымать.

Да, времена! Никаких тебе омбудсменов, а дети всегда под присмотром.

Дядя Ваня пошёл дальше. Я слышал его шаги и стук молотка. Вспомнил, как лет тридцать назад видел его, угасающего. Чуть ли не каждый день. Он был жёлтый, худой и очень страдал от боли. Уже не хватало сил управляться с домашним хозяйством. Все, кроме него, знали диагноз – рак. Другой бы криком кричал, требовал врачей и уколов, а он терпел. Вместо наркотиков предпочитал рыбалку. Сидел на своём самодельном стульчике да таскал пескарей для кошки. Всё прибиток семье.

Как-то утром я проснулся – соседка в калитку стучит:

– Иди. Дядька Ванька зовёт.

Зашёл к нему в хату. Лежит мой сосед, в потолок смотрит. Увидел меня, встрепенулся:

– У тебя, Сашок, дед вроде как плотником был? Ты острогай мне дощечку поглаже, чтобы с краю огородиться. А то я с кровати падаю.

Просил ещё закурить, да только не вышло. Бабы вцепились в руку, вытолкали взашей.

Ну что ж, думаю, надо уважить. Достал с чердака липовую дощечку. Прошёлся шерхебелем, вывел фуганком уровень, загладил шлифовальной машинкой. Назад возвращаюсь – заказчика нет. В морг увезли.

Эх, жизнь! Не скажешь, что так уж она и коротка, а всегда чего-то не успеваешь. Кто покурить, кто попрощаться, кто получить пенсию.

Я вынырнул из-под вагона и замер, не успев выпрямиться. Ни за что не поверил бы, что узнаю по голосу этого пса! Звали его, как и добрую половину собак с нашей улицы, Мухтаром. После выхода на экраны знаменитого фильма с Никулиным в главной роли все как-то в одночасье переименовали своих Шариков, Полканов и Рексов. Не избежал этой участи и наш Музгарко. К новой кличке быстро привык. Природная сообразительность плюс какое-никакое созвучие. Вот только не тянул он на своего киношного прототипа. Дворняга дворнягой! Чёрно-белый, с рыжим лохматым загривком. Был он старым, слепым и доживал свой век в дровяном сарае. Собачьим умом Мухтар понимал, что уже никуда не годится, но очень хотел доказать, что он ещё ого-го! На чужаков громко не лаял – боялся, вдруг прилетит камень, а откуда, не уследишь. Зато на своих отрывался по полной. Меня, к примеру, чуял метров за сто. Выйдешь, бывало, на край насыпи, а он уже давится гавом, исходит слюной. Я на него не обижался. Наверное, понимал, что когда-нибудь стану таким же, как он. Калитку откроешь, окликнешь его: «Мухтар, да ты что ж, дурачок?» И он – ну извиняться! Ползёт по земле, наяривая хвостом, и белыми пятнами глаз в душу заглядывает. Да! Жила когда-то в этом месте любовь, а теперь – одна ностальгия.

Дом я узнал издали. Таким он и был в дни моего детства. Две комнаты, коридор и небольшая прихожая укрыты в зарослях винограда. Из трубы вьётся дымок, отбрасывая лёгкую тень на серебро крыши. Без более поздних пристроек есть в нём гармония воплощённого замысла.

В открытые ёмкости у края железной дороги из цистерн сливают жидкий гудрон. Две смоловозки ожидают погрузки. Возле сторожки суетится и спотыкается дядя Вася Культя. Он ремонтирует тэн, а напарник готовит шланги. Под ногами пузырится земля. Я всегда обходил это место, а сейчас иду напрямик. Дяде Васе нужно подать руку, извиниться за прошлое.

Его прозвали Культей из-за согнутой в кисти правой руки. Она у него до плеча в глубоких белёсых шрамах – посекло на фронте осколками, и хирурги добавили. Тем не менее этой рукой он вполне управлялся: мог из ружья стрелять и даже стакан держал. Был ли у него дом? Этого я не знаю. Мне почему-то казалось, что он навсегда приписан к смоле². Ночевал дядя Вася в железнодорожной теплушке, снятой с колёс и поставленной на высокий фундамент специально для сторожей.

Мальчишки – народ, по своей сути, жестокий. Лёху Звягинцева, который носил корсет, мы дразнили Горбатым. Сорокалетний даун с соседней улицы был для нас Сашкой-дурачком. Деда Корытько с пробитой насквозь шеей из-за дефектов речи мы за глаза называли Кугук или Кецеке.

Никому на моей памяти дядя Вася не досаждал. Но появилась у нас, пацанов, забава «громить Культю». Летом, когда темнело, мы вброд пробирались на островок, намытый течением между двух рукавов реки (он граничил с нашим участком и был продолжением огорода). Оттуда сторожка – как на ладони, метрах в пятнадцати по прямой.

Когда внутри угасал свет, мы начинали бросать комья земли. Считалось особым шиком попасть по железной крыше. Кончались эти погромы всегда одинаково. Дядя Вася долго терпел, потом выскакивал на порог с берданкой в руке и громко палил в воздух. И мы убегали против течения речки, сбивая о валуны босые ступни.

² Смола (*жарг.*) – перевалочный комплекс для выгрузки из железнодорожных вагонов вязких нефтяных фракций с целью хранения и перегрузки на автомобильный транспорт.

Сколько ему сейчас, сколько мне? Впрочем, какая разница? Время идёт только вперёд, нет у него минусовых значений. И то, что я сейчас вижу, только дань благодарной памяти.

Всё у дяди Васи наладилось. Тёмно-зелёный ЗИС с чёрной цистерной в кузове встал под погрузку. Шофёр, пережёвывая окурки, одной рукой поправляет шланг, другой – вытирает пот.

Жарко. На растущих поблизости деревьях – чёрный налёт сажи. Судя по зелёным плодам, сейчас конец весны.

Культя идёт к рукомойнику, подтягивая штаны. Увидел меня, обрадовался:

– Здорово, барчук (он всех барчуками дразнит), кто это тебя так?

Я что-то порываюсь сказать, но он недовольно перебивает:

– Слушай сюда! Ты слишком не торопись. Не до тебя там. В общем, дождись, когда дед успокоится. Скажешь ему потом, что цемента мешок стоит. Ребята хотят рупчик. Ну, давай! Запарка у нас.

Мягкая пыль лежит на дороге тонким ковром. Ею припорошены лужи. Двадцать шагов – и я дома. И тут до меня доносятся громкие возгласы.

– Степан, ты прости, Степан! – с надрывом кричит незнакомый голос.

– Вон, сволочь, пошёл! – свирепо орёт дед.

Всё верно. Ему, похоже, не до меня. Сторонюсь, отхожу к забору.

Пьяный мужик в расхристанном пиджаке, спотыкаясь, летит на дорогу. Поднимается, падает на колени.

– Ты бей меня, бей, только прости!

– Сволочь! Какая же ты сволочь! – Дед толкает его прочь от двора и почему-то плачет.

Вот тут моя память ошиблась. Этот случай я помню, даже знаю, что сейчас происходит. Человек, который стоит на коленях, – бывший полицейский, недавно досидевший свой срок. Когда-то он выдал немцам мою бабушку. Сказал, что её муж коммунист, бывший председатель колхоза и воюет сейчас в Красной армии. А потом моя мама и бабушка прятались у людей в погребках до самого конца оккупации.

В прошлый раз я видел всё это, стоя в проёме распахнутой настежь калитки. А теперь мне её не открыть...

Я присел на бревно, лежащее у забора, которое было у нас вместо скамейки, и засопел от обиды. Не такой я представлял эту встречу, нет, не такой. Лепёха узнал, дядя Ваня узнал, Культя поздоровался, а дед прошагал мимо. И бабушка хороша! – слышит же, как Мухтар разрывается? Хоть бы вышла, проведала, кто там? Полвека, считай, не виделись! Так нет, возится со своими борщами...

И тут мне реально жрать захотелось. Так захотелось, что хоть криком кричи. Только я это желание в себе придавил. Пожрать я и в больнице успею, когда в родные лица напоследок взгляну.

А над головой листочки трепещут. Яблоня «белый налив» роняет излишки плодов. Два воробья сорвались с дерева на дорогу. Волтузят друг дружку как оглашенные – бабу не поделили.

Тут слышу – мой дед возвращается. Шоркает чёботами, как я поутру. Увидел меня, рядом присел. Ну, думаю, сейчас что-нибудь скажет. А он только хмыкнул, да за сигаркой пошел. Такая вот лирика. А что ему? Он, наверное, в прошедшем времени, где видит меня каждый день. Эка диковина – внук. И ведь не скажешь типа того, что я, мол, сейчас помираю, что попрощаться пришёл. Да что там слова? Просто сидеть рядом – это уже счастье. Пахнет от него дымом костра, жареными семечками и табаком. Настоящим табаком, а не разным говном в пачках по сто рублей.

Любил я смотреть, как дед курит. Он тогда «Любительские» предпочитал. Выбьет из пачки одну, постучит мундштуком по ногтю, разомнёт между пальцами, ещё постучит. И всё

это степенно, не торопясь. Потом достаёт серники. Чиркнет, прикурит, пыхнет два раза – и тоненькой струйкой дыма гасит горящую спичку.

Сколько ему осталось? А это в зависимости от того, сколько сейчас мне. Он умрёт летом, когда я окончу школу и уеду в Ленинград с направлением. Буду сдавать экзамены в училище имени Фрунзе, потом в институт водного транспорта, а поступлю в мореходку. Дед будет лежать на кровати у печки и говорить:

– Сашка не подведёт, он молодчага!

А уже перед смертью скажет, что видел меня в форме капитана дальнего плавания.

Не в настроении он сейчас. За прошлое сердце болит. Повздыхал, покашлял и нараспев произнёс:

– Ох, чёрт его зна-ает!

А больше ничего не успел. Паровоз у щита начал спускать пары. Тут говори не говори – друг друга ни за что не услышишь. Хоть и сидишь рядом.

Вдруг чувствую – мне кто-то на голову положил руку, аж мурашки по коже и в глазах темнота. Пряма какая-то волна узнавания. Я сразу понял, что это бабушка, в чьих же ещё руках может быть столько любви и ласки? Оглянулся – точно она, молодая ещё, на целую голову выше меня. Рукой машет, домой, мол, пора, деда тоже зови.

Послушно иду во двор. В этом времени я не хозяин, а безропотный исполнитель. По дороге глажу рукой родную калитку, которую разобрал и сжёг в прошлом году. Берёг до последнего, это ведь всё, что у меня оставалось в память о детстве.

Бабушка за спиной конкретно наезжает на деда. Куда до неё паровозу!

– Тю на тебя! Куды ж ты поперся, старый дурак? У него же глаза залиты, а нет бы ножом ширнул?

– Да чёрт его зна-ает!

Завидев меня, кот чухает на чердак, а куры, наоборот, бегут к загородке. Я им частенько траву приношу, всегда наливаю воду. У меня много обязанностей.

Скандал за спиной не утихает. Прихожу деду на помощь:

– Там дядя Ваня, что со смолы, про цемент говорил.

Бабушка поворачивается ко мне:

– Ой, горе ж ты луковое! Да кто ж тебя так? А если бы глаз вышиб?! Майку-то всю изгваздал, а ну-ка, сьмай!

И не поймёшь, кого ей сейчас жальче: меня или майку.

Дед у калитки вставляет свои пять копеек:

– Бьют меня, так я ж и добрый!

Вот такое прощание. Ни вздохов, ни слёз, ни платочков. Кажется, эти люди живут и собираются жить вечно. И я тоже впрягаюсь в эту реальность, хоть в душе понимаю, что она может оборваться прямо сейчас.

Бабушка толкает меня в шею, склоняет над рукомойником. По позвоночнику льётся струйка тёплой воды.

– И в кого ж ты такой неслухмяный? – в сердцах повторяет она.

Для неё нет мелочей, и порядок вещей незыблем. Если завтра придут девчонки из школы и скажут: «Ваш Саша сегодня был грязным», она всегда может ответить:

– Брешете, сучки! Я сама ему шею мыла!

Всегда поражался умению бабушки содержать в чистоте дом, двор, огород. Даже на кладбище возле её памятника всегда образцовый порядок. Будто выходит она по ночам из могилы цветы поливать и пропалывать сорняки. И ведь бываю там от Пасхи до Пасхи, раз в год. У деда, к примеру, часами муздыкаешься³, а у неё? Вырвешь пару сурепок, листву подметёшь – и всё.

³ Муздыкаться (*донецк. сленг*) – возиться с чем-либо.

– Ну-ка, сбегай воды принеси, – бабушка шлёпает меня по спине мокрой ладонью, – да куриам не забудь налить! А я пока хлеба нарежу и накрою на стол. Деда дождёмся, сядем снедать.

Хватаю вёдра. А что ж тут не бегать? Огород у нас вона какой громадный! И это не только потому, что я сейчас такой маленький. Нет забора, что делит его по меже. Вместо него дорожка, мощённая камнем. От кого загораживаться? В другой половине дома живут бабушка Паша с дедом Иваном. А это, как ни крути, родная сестра моей бабушки. Мчусь вдоль кустов винограда туда, где нацелился в небо колодезный журавель. Ступни обнимают тёплые камни, узнавая каждый на ощупь. Откидываю железную крышку. Пускаю солнечный свет туда, где бьют родники. С нижних колец свисает зелёная чёлка мха. Любуюсь, как песчинки танцуют на пузырьке рвущейся на волю воды.

Ну, здравствуй! А я уж не чаял напиться твоей живительной влаги. Мои руки ничего не забыли. Отвожу ведро к дальнему краю, резким движением врезаю его в глубину. Закольцованное пространство порождает глухое эхо. Мне кажется, этот колодец понимает, что его уже нет. Что он снова увидел мир только волей моего разума. А ведь когда-то с него начинался дом. Здесь в каждом замесе раствора есть и его частица. Кольца вырвали, а яму засыпали, когда мамка сошла с ума. Так приказали ей голоса. Я тогда в море ходил и, приехав её навестить, столкнулся с уже свершившимся фактом.

– Да что ж ты так долго? Ведро, что ли, упустил?

Кричу:

– Я сейчас!

Бегу, перебираю ногами. Чтобы вёдра не цеплялись за камни, их приходится приподнимать. Grimасы возраста. Малому тяжело, а старому тяжко. Ну, попал! Что творится в моей голове?! Прошлое становится настоящим, а настоящее – прошлым. Но, чёрт побери, как хорошо! Если это и есть смерть, поклон ей до самой земли. А если ещё и успею пожрать...

Вот я в доме. Ставлю вёдра на лавку, закрываю деревянными крышками. Дед уже за столом. Влажный седой чуб гладко зачёсан. Левая нога согнута в колене и убрана под себя. На ней он сидит, привык после ранения. Бабушка орудует уполовником. Разливает по мискам свой знаменитый борщ. Когда на нашем краю кто-нибудь умирал, готовить поминальный обед приглашали только её. Сегодня и мне доведётся вспомнить его вкус.

– Сашка! – Дед задорно поблёскивает молодыми глазами. – Сбегай, сорви там перчину.

Там – значит в конце огорода. Я помню. Это тоже когда-то было моей обязанностью.

Вылетаю из кухни. Стремглав бегу по дорожке. Не мной придуманы правила этого времени. Не мне их и нарушать. Чего я сейчас больше всего боюсь, так это сфальшивить. На душу налип неприятный осадок. Пусть временно, но я занимаю чужое место.

На столе дымятся тарелки. Дед ждёт. Протягиваю ему зелёный стручок. Боясь не успеть, налегаю на ложку. Бабушка округляет глаза.

В детстве я не любил борщ. Ценил его вкус, но выхлёбывал только юшку. Смотрел на капусту, понимал, что это капуста, но не мог проглотить. Сырую – за милую душу, а варёную – никогда. Брат Серёжка однажды сказал, что «они похожи на червяков». С тех пор как отрезало.

Теперь же, на глазах у семьи, происходило чудо. Я вымахал всю тарелку и попросил добавки.

– Ты, часом, внучок, не сказился?⁴ – осторожно спросил дед.

– Знатный сегодня борщ! – промычал я его словами.

Бабушка застыла у печки, прижав кулачки к груди. В её карих глазах светилось тихое счастье.

⁴ Сказиться (юж. зап.) – беситься, сходить с ума.

Потом была картошка-толчёнка с румяной котлетой. После неё – «какава» на молоке. В хрустальной розетке розовело варенье из айвы...

В общем, я наелся от пуза. Погостил, попрощался. Только жаль, не увидел маму. Серёга-то... хрен с ним. Заходил на прошлой неделе. Всё такой же круглый, вальяжный. Ну ещё бы! Ветеран МВД, старший следователь шестого отдела. Мент поганый, короче. Ничего не наворовал на старость! Ну разве что писатель Бушков о нём книжки писал. Так книжками сыт не будешь.

– Надя письмо прислала, – бабушка словно читает мои мысли. – Жалуется, что не пишешь ты ей.

– Вот придет – уши тебе надерё-от! – ворчливо зевает дед. – Пойду я прилягу. Мне сегодня в ночную.

Он работает охранником при железной дороге. Ну там, где лес разгружают.

Честно сказать, я и не знаю, что делать. Визит непозволительно затянулся. Что они там, совсем охренели? Не идти же в таком виде в реанимацию, требовать главврача? «Да кто ты, – скажут, – такой?»

Но у деда Степана есть готовый ответ на всё:

– Давай, милый друг Гандюшка, уроки учить, стишок повторять. Смотри мне: проснусь, проверю. И письмо матери напиши!

И то правда. Пойду хоть узнаю, какое сегодня число.

Глава 2. Первое несовпадение

Комната, где мы с Серёгой всегда учили уроки, называлась «большой». Четыре светлых окна, белёные стены. В центре под лампочкой круглый стол, покрытый зелёной бархатной скатертью. Слева от входа – шкаф, буфет и небольшая койка. У правой стены – широкий комод и никелированная кровать. Из украшений – на полу домотканый ковёр-дорожка из грубой цветной шерсти. Стулья не в счёт. Они кочуют из комнаты в комнату и даже во двор. Красивые стулья, с ажурными гнутыми спинками. У меня на чердаке сохранился один.

Портфель я нашёл там, где ставил его всегда, между стеной и комодом. Не успел вынуть дневник, слышу – Мухтар заливается. Весело лает, звонко, не иначе свои. И бабушка от порога, но шёпотом, чтобы деда не разбудить:

– Иди, там тебя Витька зовёт!

На носочках иду в прихожую. По пути успеваю взглянуть на «численник» – в меру упитанный отрывной календарь. На нём красная дата – 21 мая 1967 года. Да тут и учиться всего ничего! Обуваю шлёпки, бегу к калитке.

От всех пацанов с нашего края Витька Григорьев отличается тем, что не умеет свистеть. Подойдёт ко двору и начинает из себя извлекать: «У-р-р-р, у-р-р-р». Тоненько так: у-р-р-р! Вот буква «р» у него всегда лучше всех получалась. Натуральная трель! А кличка у Витьки совсем неказистая – Казия. Она ему очень не нравится. Когда его так называют, он всегда кидается в драку и, естественно, получает. Ещё у Витьки глаза тёмно-вишнёвого цвета и точно такой же румянец на смуглом лице.

– Чё надо? – спрашиваю.

– Лепёху пойдёшь смотреть?

– А чё на него смотреть?

– Так помер он, в речке утоп. Нырнул и головой об карчу – она его книзу и потащила. Дядьки достали возле моста. Всё лицо, говорят, камнями побито. Так пойдёшь? Его из морга должны сейчас привезти.

Я не поверил:

– Брешешь!

– Спорим на шелобан?

– Ладно, пошли проверим.

– Тогда рогатку возьми.

– Это ещё зачем? – искренне удивился я.

– Заодно воробьёв постреляем. Их на путях много.

С недавнего времени я трепетно отношусь к каждой маленькой жизни, поэтому вру:

– Нет у меня рогатки. Резинка порвалась.

Витька бежит впереди, я отстаю. Негоже мне, старику, водиться с такой мелюзгой, хотя это и друг детства. В жизни ему очень не повезло: мама, папа, дедушка, бабушка – все оказались идейными пьяницами. Детям в этой семье было негде учить уроки.

Витька умер от пневмонии, не дотянув до своих сорока. За месяц до смерти зашёл, попросил сохранить пакет. Там была книга Владимира Гиляровского с вырванной первой главой, фотография дочери, две отцовские медали и единственная тетрадка с пятёркой по арифметике, которую он хранил с первого класса.

– Ты чё, оглох? Кто, говорю, тебя?

Прогоняю воспоминания. Кажется, Витька спросил про фингал, или про два? – не знаю, в зеркало ещё не смотрел.

– Он, – отвечаю, – Лепёха.

– Да ты чё? А когда?

– Пару часов назад, жив и здоров был.

Слово какое: был, былём поросло... мимо могилы Лепёхи я всегда захожу на погост. Не то чтобы скорблю, просто останавливаюсь, вспоминаю о нём что-то хорошее. Как он, к примеру, в четвёртом классе задачки в уме решал. Быстрее всех! Отличники рот разевали. Или как в финальной игре на первенство города Колька единственный гол закатил. А теперь... это что ж получается? – целый пласт из моей памяти брошен коту под хвост? Колька погиб, не успев стать наркоманом. Похоронят его теперь в конце старого кладбища, там, где сейчас автозаправка. Если, конечно, Витька чутка не соврал. А похоже, не соврал: идёт мой дружбан, скорбно пинает камни. У перекрёстка остановился, дождался меня и говорит:

– Если бы вы сегодня не подрались, он сейчас живой был бы.

У меня аж дыхание перехватило, слёзы на глаза навернулись.

Знал бы мой старый друг, как он сейчас прав! Дети – это маленькие боги, а жизнь делает из них взрослых.

Во дворе у Лепёхиных настежь открыта калитка. Из грузовой машины мужики выгружают обитый бархатом гроб. Пространство возле глухой стены белёной саманной хаты зарастает траурными венками. Приходят люди, слышится женский плач. А вот самого Кольку из морга не привезли, в этом Витька сбыхал.

– Тут и без нас тошно, – сказал я ему. – Врачи ещё будут вскрытие делать. Долгая это песня. Пойдём-ка лучше домой. Уроки надо учить – завтра ведь в школу.

– На похороны пойдёшь?

– Нет.

– Из-за фингалов?

– Нет.

– А почему?

Я глянул в его глаза и честно сказал:

– А потому, Витька, что я сегодня тоже умру.

– Тю на тебя! – Он сунул руки в карманы штанов и зашагал прочь.

Наверное, не поверил.

По дороге домой я старательно воспроизводил в памяти всё, что когда-то читал о предсмертных воспоминаниях. Угасающий мозг чередует фрагменты минувшей жизни как видеомагнитофон, поставленный на обратную перемотку. Не завтрак – обед – ужин, а ужин – обед – завтрак. Если верить общеизвестной теории, это не мой случай. Нет ускоренного движения, ожидаемой хронологии. Этот видик заклинило. Плёнка смакует один небольшой фрагмент. События в нём трактуются очень свободно, помимо моей воли. Нет, это не оригинал, а, как говорят музыканты, вариации и фантазии на тему прошедшей жизни. «Значит, что? – спросил я себя, – значит, будем смотреть правде в глаза, мозг мой давно умер». В своём настоящем я уже бездыханный труп без надежды на реанимацию. Эх, знать бы, что это так хорошо, давно наложил бы на себя руки.

Мысли метались, перескакивали с одной на другую. В последние годы я проштудировал множество книг о человеческих душах. Ну, что с ними бывает после того, как. Надо же знать, что ожидает за гранью, когда стоишь на черте. Читал даже о попаданцах, хотя это и несерьёзно. Не теория, а массовый бзик.

Набрёл как-то в поисках чтива на лежбище воинствующих фанатов. «В вихре времён» называется. Подобрал подходящую книжку, пью кофе, смакую. Интересно написано, образно, зримо! Будто человек из нашего времени попал на приём к товарищу Сталину. Я, было дело, в том времени растворился, чувствую даже аромат табака «Герцеговина Флор». И тут отрывок кончается – начинаются комментарии.

«Э-э-э, Вася, – пишет один, в форме красного комиссара на аватарке, – тут ты не прав! К товарищу Сталину так просто не попадёшь! Вот тебе ссылка на систему его охраны. Ознакомишься, завтра придёшь».

«Автор! – орёт другой. – С какого хрена ты нацепил на героя погоны?! Ты разве не знаешь, что в сороковом году...»

В общем, с ладошку текста – десять страниц комментариев. Перелистал я эту бодягу, дальше читаю. А там тот же отрывок, но с учётом пожеланий трудящихся. И главный герой размыт, и запах табака испарился. Плюнул я от досады, ушёл и больше не возвращался...

Вот и со мной так. Закружил этот вихрь времён и бросил неизвестно куда. Всё вроде как было, а чего-то важного не хватает. Будто тот хмырь, в форме красного комиссара, глянул на мою жизнь из-под стекляшек пенсне и строго сказал Господу:

– А зачем тут Лепёха?! Тут никакого Лепёхи быть не должно!

Хорошо хоть, Витька оставил в его первозданной дурачности.

Догоняет меня и как ни в чём не бывало:

– Спорим, я этим камнем в дерево попаду?

Разгоняется и «пыром» его – шарах!

Гольщ, естественно, полетел хрен знает куда.

– Эх ты, – говорю, – рохля! Учись, пока я живой.

Подобрал подходящий кругляш, щёчкой его подрезал, чуть не попал! Не докрутил малость.

Так и дошли до мостика через речку. Ему прямо, а мне направо.

Иду мимо смолы, подбиваю итог своим мысленным изысканиям.

Тому, что сейчас происходит со мной, есть только одно разумное объяснение – я уже умер. Моя душа привыкает сейчас к своему новому состоянию. Скоро она улетит, а пока находится в том времени, где ей было когда-то комфортней всего. Не случайно ведь в домах, где кто-нибудь умирает, люди на девять дней занавешивают зеркала. Значит, и мне столько отпущено.

Ладно, примем на веру. Теперь, что касается смерти Лепёхи. Человеческий разум тебе что хошь нарисует. Взять того же Витю Григорьева. Он, когда в стационаре с белой горячкой лежал, так клялся и божился, что видел три тыщи рублей одной бумажкой.

Я вернулся домой в дурном настроении. Вспомнил, что технический паспорт положил в шкаф, под бельё. Серёга, наверное, обыскался! Ему ведь в наследство вступать. Похоронит меня – и прямым ходом к нотариусу, застолбить своё право. Будут ему расходы и головная боль.

Мухтар чесал задней лапой свой рыжий загривок. Он не лает, когда дед отдыхает. Бабушка во дворе мыла посуду.

– Куда это вы галасвета?⁵ – спросила она.

– Да Колька Лепёхин утоп, мой одноклассник.

– Ай-ай-ай! – всплеснула она руками. – Вот горе! Это не той Лепёхин, что наспроть Чаленкиных жил? Тоже, наверное, неслух. А матери какво? Сколько раз тебе говорили, чтоб на Лабу ни на шаг...

Я проскользнул в дом. Дед проснулся. Он стоял на пороге большой комнаты и слушал радио. Женский голос рассказывал о реакции в мире на решение Стокгольмского международного трибунала по расследованию военных преступлений – признать США виновными в агрессии против Вьетнама.

– Ни фиги себе! – вырвалось у меня.

⁵ Галасвита или галасвета (*куб.*) – долго бежать, не разбирая дороги.

Дед обернулся и строго сказал:

– Тише!

Наивные новости того наивного времени. Де Голль наложил вето на вступление в ЕЭС Великобритании, по требованию ОАР, ООН выводит своих миротворцев из района египетско-израильской границы. Сейчас это звучало бы как бред сумасшедшего.

Когда зазвучал концерт камерной музыки, дед посмотрел на стол. Там не было ничего, кроме чернильницы.

– Уроки до сих пор не поделал? Ох и будет тебе хворостина!

– Сейчас сяду.

– Ну, добре.

Я вытряхнул из портфеля всё содержимое, перелистал дневник. Трояков мало, как и в былые годы, иду хорошистом. Посмотрел расписание на понедельник. Стандартный набор: русский язык, литература, математика, история, география...

Любопытно взглянуть, а вот делать ничего не хочется. «Может, ну его на фиг! – мелькнула спасительная мыслишка. – Несолидно мне, старику, уроки учить».

«А хворостиной по заднице очень солидно?! – возмутилось моё чувство долга. – Ты что, жрать сюда пришёл? Давай-ка не будем расстраивать деда. Тебе же упрямства не занимать. Пусть эти девять дней и для него будут праздником».

Итак, русский язык. Открываю учебник, нахожу упражнение 629. Читаю задание: «Образовать действительные причастия настоящего времени». Мама моя, а это ещё что такое?! И компьютера нет под рукой, не погуглишь. Перелистываю страницы назад. Хорошо хоть, все правила выделены жирным курсивом.

Через сорок минут разобрался. Взял авторучку. Стоять! Низзя!

Вспомнил, что наша Надежда Ивановна в этих случаях ставит пару. Для неё существует только обычная ручка с железным пером. Всё остальное изымается на уроке с вызовом родителей на ковёр.

Открываю тетрадь и сразу же ставлю кляксу. Я давно научился писать рукой, всё больше на клавише. Вспоминаю уроки чистописания. Тренируюсь на черновике. Дело пошло.

«Высоко над цветущими полями нашей страны реют чудесные птицы». Прерываюсь, подчёркиваю «ущ»...

К ужину я успеваю сделать только русский язык. Деду сегодня к семи. Надо нажарить семечек, собрать тормозок, потому так рано садимся за стол. На улице день, а куры уже забираются в саж⁶, рассаживаются по жёрдочкам. У них свой режим. Дед дожёвывает котлету, выпивает компот. Сейчас скажет: «Вот закончишь четверть без троек, возьму на дежурство!»

Я прикидываю отпущенный срок. Нет, не получится. Мне улетать, а ему возвращаться в могилу.

Жизнь – это череда парадоксов. Я так и не успел прочитать его письма, которые он писал бабушке с фронта. Они всегда лежали в буфете в верхнем ящике, аккуратная стопка, перетянутая резинкой от какой-то микстуры. Сначала я думал, что это кошунство, а потом, когда бабушка умерла, мать сожгла их на острове. Так сказали ей голоса.

Дед никогда не рассказывал о войне, а ведь он был в составе группы, которая брала Паулюса. Когда я учился в восьмом классе, его вызывали в военкомат, чтобы вручить медаль «За отвагу». Награда искала его ровно двадцать пять лет с того самого дня. Он ведь жил под другой фамилией. Под той, которую вспомнил в военном госпитале через четыре года после войны. Был Дронов, а стал Дранёв.

Дед ушёл на работу, а я ещё долго сидел за столом. Писал, считал и учил, пока не услышал: «Ложись спать, полуночник!» А уже перед сном подумал, что, если свершится чудо и

⁶ Саж – место за перегородкой в хлеву, куда сажают свиней для откорма.

меня всё-таки откачают, надо будет написать завещание. Прежде всего спрошу у врача, куда подевались мои очки.

Утро моего детства. Только бабушка знает, что это уже утро. Время она чувствует без будильника. За ставнями ни проблеска света, а она уже на ногах. Скрип кровати в маленькой комнате и её вечное «О-хо-хо». Она начинает греметь заслонками, выюшками и чугунными кольцами нашей уютной печки. В доме не холодно. Просто надо готовить обед.

Я всё это слышу. Наверное, полчаса таращу глаза в темноту. Мои биологические часы настроены на прежнее тело, на то, что уже без души. Очнулся от страха. Первая мысль: где я?! Потом отлегло, понял, что не в больнице. Разве смог бы я там лежать на левом боку с ущемлённым-то сердцем? Так что вчерашний день я не заспал, даже помню, что дед сейчас на дежурстве. Хотел было встать, стишок повторить, да одолела дума. Вот хочется мне понять, а будет ли день вчерашний считаться как полный из отпущенных мне девяти, ведь почти до обеда я был ещё жив?

По всему выходило, что будет. И тут я поймал себя на подленькой мысли, что это несправедливо. Хотелось урвать, как минимум, ещё двенадцать часов.

«Может, годочков полста? – спросила моя совесть. – Ну ты, братец, и жлоб!»

Я долго ворочался, прикидывал так и эдак и честно ответил себе, что нет, не хочу. Какое же это детство, если в душе ты старик? – Эрзац, недоразумение! Вот если бы всё забыть? А с другой стороны, для чего же тогда я жил?

Ладно, время рассудит. Меньше спишь – дольше живёшь.

– Гля! – удивилась бабушка, увидев меня на пороге. – Проснулся ни свет ни заря! Ещё ночь на дворе, чи ты на ведро?

В детстве Серёга закрывал меня в тёмном шкафу и рассказывал разные ужасы. С тех пор я боюсь темноты. Бабушка это знает и всегда выставляет на ночь ведро, которое называют «поганим».

– Стишок хочу повторить, – брякаю от балды.

И это почти правда.

– Ну, сейчас я водички поставлю.

Она и сегодня помоеет мне шею тёплой водой. Я могу помыться и сам, под умывальником, но не буду этого делать. Пусть все идёт, как идёт. Зря я, что ли, уроки учил? Мне важнее выяснить главное – настоящий этот мир или нет? Что это за время, в котором мы сейчас существуем? А самое главное – куда подевался я? Ну, я... это точно такой же мальчишка, но немного другой. У него не болит память о будущем.

– Бабушка!

– Аю? – ласково спрашивает она.

Я чуть не спросил: «Почему ты не чувствуешь, что меня подменили?» Но вовремя спохватился:

– Бабушка, а какая она, душа?

В этом вопросе всё: помнит ли она свою прежнюю жизнь, нравится ли ей новый памятник из белого мрамора, правда ли, что на Пасху умершие навещают свои дома?

Для неё это, кажется, перегруз. Бабушка садится на стул, складывает руки на фартуке.

– Душа... это, внучек, котомка, в которую люди собирают любовь. У кого-то она большая, у кого-то не очень, у кого-то вообще одна видимость. Чем больше собрал, тем легче идти.

– А почему тогда душа часто болит?

Бабушка смотрит на меня внимательно и серьёзно.

– Есть, значит, чему болеть. Бывает такая боль, которая лечит.

Я хочу ещё что-то спросить, но ей уже не до меня. В кастрюле закипела вода.

– Ох, светает уже, а я тут с тобой калякаю языком! Сбегай, внучок, ставни открой да выпусти курей из сажка.

К возвращению деда я сидел с помытой шеей и пил кипячёное молоко. Его покупал я. Точнее, не совсем я, а тот, кто ещё вчера завтракал за этим столом. Такое вот раздвоение личности. Один, оседлав тросточку, шкандыбаёт за пенсией, а в это же самое время другой его экземпляр идёт в магазин. Но память об этом факте осталась только у бабушки. Это она давала семьдесят две копейки, споласкивала трёхлитровый «битон». Бабушка здесь, молоко здесь, куда подевался тот, кто его покупал? Задать бы учителю природоведения эту задачку на сообразительность.

– Ты ещё не одевшись? Смотри опоздаешь! – Дедушка входит в комнату и тоже садится за стол.

И то правда, в школу же к восьми! По армейской привычке одеваюсь предельно быстро, и пары минут не прошло, а на мне уже синий костюмчик, голубенькая рубашка и красный галстук. Выскакиваю во двор. В спину несётся торжественный звук горна и девчоночий голос по радио: «Здравствуйте, ребята! Слушайте „Пионерскую зорьку!“»

Лает Мухтар. За калиткой Витькино «У-р-р-р!». Сейчас спросит: «Арихметику дашь содрать?»

Он именно так и спросил. И от этого у меня поднимается настроение.

– Без базара.

– Чё ты сказал?!

– Дам, говорю. Только пойдём лучше дальней дорогой, не хочу вспоминать.

Витька кивает. Он понимает меня с полуслова, если, конечно, не грузить его фразами из лихих девяностых. До этого времени он ещё не дорос.

О будущем больше не думается. Хочется вдоволь напиться детства, окунуться в него с головой. Но сначала неплохо было бы разведать глубины. Я ведь даже не помню большинства своих одноклассников, ни по именам, ни в лицо. Встретил как-то на автовокзале прилично одетого мужика. Он подошёл ко мне с двумя кружками пива.

– Привет, – говорит, – Санёк!

Смотрю в его рожу – и ноль эмоций.

– Не помнишь? Мы же с тобой в одном классе учились. Это же я, Женька Таскаев.

Я напряг свою башку. Единственное, что выцепил из её мутных глубин, так это два факта. Первый – что был такой, и второй – что носил очки. И ничего больше, ни хорошего ни плохого.

А Витька всё «арихметику» передирает. Высунул набок язык и наяривает моей авторучкой. Математичка не придирается, что не простым пером, это я помню.

До школы идти пять минут. Это там, где сейчас головной офис Сбербанка. Витёк по дороге успевает поведать все свои домашние новости. Брата Петра в армию призывают, Танька в кого-то снова влюбилась, всё плачет ночами в подушку.

Ну, перед нами такой вопрос не стоит. Все пацаны в классе поголовно сохнут по Соньке. У «ашников» свой идеал – Олька Печорина. Обе они отличницы, а это для нас решающий признак девчоночьей красоты. Хорошистки и троечницы не катят.

Там, где вчера стоял банкомат, сейчас небольшая калитка в невысоком деревянном заборчике. За ним начинается школьный двор. Сегодня никто не бегаёт, не шалит, не смеётся. Разбившись на группы, все обсуждают Колькину смерть. Рассказывают мистическим шёпотом – кто, где и когда видел его в самый последний раз. Только Валька Филонова в стороне. Сидит на скамейке, кутается в цветастую шаль и читает «Историю». Она не дружит ни с кем.

Трогаю себя за распухшую переносицу и прошу:

– Не говори никому, что это я с Лепёхой подрался.

Витьку, чувствую, подмывает, но пацан есть пацан. Он косит на меня своими вишнёвыми зенками, солидно высмаркивается и цедит сквозь зубы:

– Без базара.

Надо же, прижилось.

Мы пришли к первому звонку. Повезло мне. Почти никто не подкалывал, откуда, мол, у тебя такие «очки»? Только Славка Босых толкнул меня в дверях пузом и ехидно спросил:

– Пусть не лезут?

Где находится наш класс, я, честное слово, запомнил. Поэтому держусь за теми, кого точно помню. Сажусь на свободное место в третьем ряду. Филониха с фырканием чухает на другую сторону парты. Судя по её поведению, я сел не туда. Ну и ладно! Кому не понравится – пусть пересаживают.

Валька вообще-то девка что надо – умная и симпатичная. Я даже хотел за ней приударить в классе в восьмом. Да побоялся, что меня на смех поднимут. Был у Филонихи большой недостаток – лишняя извилина в голове. И втянулось в эту извилину стать кинозвездой. Она по натуре максималистка: или всё, или ничего.

Все девчонки перед зеркалом крутятся – и ни единой трагедии. А Вальке оно не в жилу пошло. Вот чем-то она себе не понравилась. В общем, решила, что артисток с такими рожами быть не должно. Даже хуже того, стала себя за это казнить и родителям выговаривать за хреновый генный набор. Появились на юной девчонке старушечьи платки, платя и кофты. Зажила она, замкнувшись в себе. С пятого класса её за глаза звали Бабой Валеёй или Бабкой Филонихой.

Откуда я это знаю? Да она мне сама потом обо всём рассказывала. Я ведь последние восемь лет работал электриком. Ходил по домам и квартирам, счётчики менял у людей. Так и набрёл на её нору. Валька меня не сразу узнала, а я её так с первого взгляда. Над щекой такая же завитушка, и фамилия в наряде знакомая, как перепутаешь? Посидели, чайку попили, вспомнили школу. Повела она за столом свои девичьи сердечные тайны.

А сейчас вот рожу воротит. Да и я на неё не смотрю, слава богу, не педофил. Мне сейчас интересней учительниц своих оценить с позиции возраста.

Минут, наверное, пять, как прозвенел звонок. Математички нет, взрослых, кроме меня, никого. Всё ясно, думаю, в связи с трагическим случаем готовится мероприятие. Не факт, что урок вообще будет. А пацаны бесятся! Шум перерос в гвалт, Витька с Босярой по партам начали бегать, кто-то с задних рядов жёваной шпулькой в меня запустил. По затылку попал, падла.

Поворачиваюсь, смотрю на «камчатку». У всех невинные рожи, никто ничего не видел. И так мне обидно стало!

– Ну что, – говорю, – дорогие мои детишечки, кто из вас давненько не обсирали в мозолистых руках рабочего человека?

Все засмеялись, а Юрку Напреева это сильно задело.

– Ну я, – отвечает, – а чё?

Ему, действительно, чё? Он самый здоровый в классе, на целую голову выше меня. Да и мне тоже ни чё. Зря, что ли, я помер со свёрнутым набок носом?

И тут открывается дверь. Входит наша математичка, за ней милиционер с директором школы. И началось! Чтобы со скуки не помереть, я сидел и подсчитывал, сколько раз наш Илья Григорьевич скажет своё знаменитое «не було», а товарищ из внутренних органов – страдательное причастие «данный».

Нельзя сказать, чтобы в классе царила мёртвая тишина. Все занимались своими делами. Кто читал, кто рисовал. Валька всё штудировала «Историю». Юрка бомбил меня воинственными записками. Нагнетал, так сказать, атмосферу, страхом казнил. В одной из них был нарисован кулак. Я добавил к нему загогулину, чтобы он стал похож на дулю, и отправил записку обратно.

На первой же перемене Напреев прислал секунданта. Это был конечно же Славка Босых – худощавый, резкий, чрезвычайно смешливый пацан с феноменальной реакцией и бешеным

темпераментом. В детстве мы с ним не дружили, но никогда и не ссорились. Дышали друг к другу ровно. А сблизилась только на старости лет, когда нас из целого класса осталось всего трое.

– Ох ты и схлопочешь! – сказал он сочувственно. – Злой сегодня Напрей. Как будете драться, до первой слезы или до первой крови? Ты вызвал, тебе и условия выдвигать.

Я смотрел на его лицо, на задорно торчащий вихор. Хотел, но не смог узнать в этом белобрысом создании лысого пузатого мужика с потухшим от времени взглядом. Такого, каким он был буквально на прошлой неделе.

– Так чё передать Юрке? – не унимался Босяра.

Судя по подтанцовке, у него ещё были дела.

– Не знаю, – нерешительно пожал я плечами, – обо всём вроде договорились? Ну, если хочешь, скажи, чтобы плотно поел на большой перемене. Я его буду бить, пока он не обосрётся.

Славка сначала взвыл от восторга и только потом залился серебряным колокольчиком. Так смеяться умел только он.

– А ты молодец! – отсмеявшись, сказал Босяра. – Так я ему и передам.

На следующем уроке я наконец увидел Надежду Ивановну. Было ей не больше тридцатника. Огромные глаза за линзами толстых очков казались лесными озёрами в крапинках зелёных кувшинок. Не читалось в них ни строгости, ни занудства. Только любовь. Почему же мы, дураки, до дрожи в коленях боялись её окриков?

Изложение – мой конёк. Пока наша классная читала скучный текст, я на листочке бумаги рисовал синее дерево. Потом открывал тетрадь и, глядя на фрагменты рисунка, слово в слово восстанавливал всё, что она в это время произносила.

А больше уроков не было. Наш класс в полном составе пошёл прощаться с Лепёхой. Постояли у гроба, получили по узелочку с конфетами и разошлись по домам.

Колька лежал в выглаженном школьном костюме с чернильным пятном на левой груди. Почти игрушечный гробик стоял на низкой скамейке. Лепёха был самым мелким из пацанов – на два сантиметра ниже Витьки Григорьева. Вот только его лицо поражало своей зрелостью. Его крепко побило в реке. На месте правого глаза чернела огромная гематома. Сквозь щёточку коротких ресниц виднелось глазное яблоко. Он будто подмигивал мне и мысленно говорил: «Какие дела, Санёк? Сегодня я, а через неделю – ты!»

Глава 3. Дуэльный кодекс

Не знаю, сколько я простоял бы, если бы Славка не подёргал меня за рукав. Будьте любезны, мол, на расправу! Ну да, это для них сейчас самое главное.

Я погладил Колькину руку. Перекрестился. От меня не убудет, а ему, глядишь, пригодится. Бабка-читалка, в изумлении, уронила очки.

– Во чеканутый! – сказал Босяра, выходя за мной во двор. – А если в школе узнают? Ты это на фига? Тебя пацаны заждались, думают, зассал, а ты тут...

По другую сторону улицы Юрка с Витьком, моим секундантом, резались в ножички. Они сидели у самой обочины. Тротуара, на котором я вчера поскользнулся, ещё не было. Люди там вообще не ходили из боязни промочить ноги в липкой вонючей жиже. В том месте росла густая трава, а под ней – мочаки⁷, не высохавшие даже летом. Сахарный завод ещё не построили, и там, за забором кустарного предприятия, давили свёклу.

– А вот и Пята! Я думал, он смылся давно, – усмехнулся Напрей, как только мы подошли. – Ну чё, где будем обсераться?

– Есть место, – успокоил Босяра. – За мной, пацаны!

Я двинул следом за ним, а Юрка с Витьком почему-то отстали.

Шли, держась метрах в пяти от нас, и продолжали разговор, начатый во время игры.

– Кто это тебе фингалов наставил? – первым делом спросил Славка.

– Не видел, темно было, – привычно соврал я.

– Ну-ну, – не поверил он.

Пару минут шли молча. И тут мне некстати вспомнилось, что этот ершистый пацан – мой будущий крёстный отец.

Я вернулся из Мурманска в разгар перестройки. Нужно было присматривать за матерью, зализывать раны и привыкать к нищете. Серёга пристроил меня в авторемонтные мастерские ВДОАМ. Я менял сайлентблоки и шаровые опоры, короткие и длинные рычаги, втулки маятника. Три машины пропускал через кассу, четвёртую – через себя. В цехе было холодно. Клиент шёл небогатый. Предпочитал расплачиваться жидкой валютой. Да и деньги теряли вес ещё на пути из кармана в карман. Чтоб не упасть до конца рабочего дня, приходилось ходить за закуской. Это недалеко.

Чуть правей наших ворот был небольшой рынок. Там я и встретил Славку. Он со своей первой женой продавал копчёное сало.

– Вернулся? – спросил Босяра. – Правильно сделал! Земля прокормит. Деньги у нас валяются под ногами. Только не ленись, подымай.

Было оно действительно так. Сваривай железный киоск, ставь его, где душа пожелает, и торгуй, чем хочешь. Купил водку за сто – продал за триста. И никакого надзора. Даже налоговую инспекцию ещё не придумали. Настоящий Клондайк для тех, кто забыл, что такое совесть и советское воспитание.

Ну, постояли, поговорили. Узнав, что я только «с морей», Славка пришёл в восторг и пригласил меня на крестины своей маленькой дочки. Я стал отказываться, сказал, что я ещё «нехристь», а он ещё больше обрадовался:

– Санёчек, не переживай! Для брата-моряка всё сделаю как положено. И серебряный крестик куплю. Ты только не напивайся.

⁷ Мочак, мочар, мочажина – переувлажнённая почва.

Он, как оказалось, тоже три года отмантулил⁸ в тралфлоте электромехаником. И тоже в Мурманске. Вот так, работали в одном городе, а ни разу не встретились.

Короче, мой одноклассник стал моим крёстным отцом. Встретишь, бывало, его в городе – и ну прикалываться! Идёт он, вальяжный, с бухгалтерским пузом под кожаным пиджаком, супругу под локоть поддерживает. И тут я выступаю из-за угла: рожа небритая, с перегаром. Руки раскину да как заору:

– Папаня!!!

Народ в шоке, а из него чуть сопля не выскакивает.

Славка-то после морей закодировался. Пьяных людей не переносит на дух, поубивать готов. А вот на меня у него не было сил обижаться. Посмеётся, обнимет, купит бутылочку пива:

– Кушай, сынок, наедай шею!

Он к тому времени возглавлял службу личной охраны у одного бизнесмена, а я работал корреспондентом в местной газете.

Есть, наверное, в человеке какая-то память о будущем. Мне кажется, не случайно Славка сейчас идёт рядом и очень за меня переживает.

– Ты, – спрашивает, – что, Напряя совсем не ссышь?

– А чё его ссать? Чай, не убьёт.

– Ну, слушай тогда. Он, когда свой кулак в чью-то рожу суёт, всегда глаза закрывает. Машется мельницей, выдыхается быстро. И ещё, нос у него слабый. Только смотри, о том, что я тебе говорил, никому!

– Могила! – заверил я.

Место, куда мы пришли, я знал хорошо. Это как раз напротив моего дома. Там за железной дорогой контейнерная площадка, а между ней и забором «Заготконторы» – глубокий овраг. Дед всегда там копал целинную землю для огородной рассады. А у Славки где-то недалеко работала мать. Наверное, потому он сюда нас и затащил.

Был в то время у мальчишек дуэльный кодекс – ногами не драться, свинчатки не применять, не бить ниже пояса, лежачих не трогать. Ну и, естественно, «двое в драку, а третий – в сраку».

Мы с Напреем разделись до пояса. Показали друг другу руки.

– Начинать по команде! – крикнул мой будущий крёстный отец. – Сошлись!!!

Юрка рванулся, как молодой бычок рогами вперёд, намереваясь ударить меня головой в живот. Сжатые кулаки висели на вытянутых руках, чуть позади тела. Будучи уверен в своём подавляющем превосходстве, он решил испытать на мне новый бойцовский приём. Было видно, что драться он ещё не умел, не знал, что такое коленка. Я не стал его бить по-взрослому. Невелика честь, да и кодекс не позволял. Просто качнул корпусом влево, а когда он повёлся, перепрыгнул через него, как через спортивный снаряд, звонко хлопнув ладонями по голой спине. Что не прыгать с такими ногами? Что не драться, если каждая клеточка тела дрожит от избытка энергии?

Славка заржал. Напреев был озадачен. Эксперимент ему явно не удался. Он тоже не ожидал от меня такой прыти. Смешок секунданта, шлепки по спине – всё это показалось ему очень обидным. И Юрка завёлся. Он полетел на меня следом за кулаками, взрезавшими воздух в безудержной серии. Я спокойно нырнул под эту деревенскую мельницу и встретил его ударом под дыхало.

– Разошлись! – крикнул Босяра.

Я послушно сел на траву, а он поспешил на помощь своему подопечному. Юрка стоял, обхватив руками живот, и пытался поймать порцию воздуха.

⁸ Отмантулить – здесь: отработать.

- Гля, чё это он? – не понял Витёк.
- Не знаю. Наверное, случайно куда-то попал.
- А здорово ты через него сиганул!

Я ничего не сказал, просто сидел и думал, что в недавно законченной жизни мы с Напреем ни разу не подрались. Как-то не довелось. Нам осталось быть одноклассниками чуть больше недели. Первого сентября всех, кто живёт за железной дорогой, просто переведут в новую школу. Если, конечно, оно настанет, это первое сентября. И для меня, и для этой псевдореальности, где слишком много несовпадений.

Мой соперник тем временем более-менее оклемался.

- Драться сможешь? – спросил у него Босяра.

Юрка кивнул и исподлобья глянул на меня:

- Ну, сука, убью!

Он попытался сразу же ринуться в бой, но Славка не дал и отвёл его в сторону для короткого инструктажа. Витёк на правах секунданта тоже вставил свои пять копеек:

– Ты, Санёк, лодочкой ладошку согни и постарайся ему попасть между ухом и шеей. Это будет двойной удар.

Вот сколько раз мне приходилось выходить один на один, Витька всегда одно и то же советует. Хотя я ни разу не видел, чтобы он сам этот приём на ком-нибудь применил.

- Готовы? – снова спросил Босяра. – Сошлись!

Напреев не зря проходил инструктаж. Мой соперник больше не лез на рожон. Он спокойно стоял в позе, похожей на стойку, и выжидал. Наверное, Славка ему посоветовал поработать вторым номером и попытаться меня подловить на сильный удар.

Я попрыгал вокруг него, спровоцировал пару атак. Юрка отстреливался одиночными. Бил он как-то не по-людски. Вместе с правой рукой выносил вперёд и плечо. В один из таких моментов я просто шагнул вправо и снова воткнул кулак в его голое пузо.

- Разошлись!

В этот раз Напрей оклемался намного быстрее.

- Что делаешь, падла? – выдавил он. – Куда ты всё время бьёшь?! А если я тебя так?

- Ну попробуй, кто ж тебе не даёт?

– Хорош, пацаны! – вмешался Босяра. – Мы уже полчаса тут валандаемся, а вместо драки одно название. Один за живот держится, другой на траве отдыхает. Давайте договоримся бить только по роже.

- И до первой крови, – добавил Витёк. – Согласны?

Я кивнул. Мне было всё равно. Юрка пробурчал типа того, что он тоже не возражает. В общем, мы снова сошлись.

Предыдущие два раунда ничему Напрее не научили. Он по-прежнему топтался на месте, изредка, наудачу, выбрасывая вперёд правую руку. Она у него становилась всё тяжелей. Я легко уходил вправо и бил раскрытой ладонью по его потному лбу. Не сильно, но так, чтобы щёлкнуло. Можно было, конечно, пустить ему кровь, но совесть протестовала. Слишком уж не равны были силы.

Наконец мой соперник врубился, что над ним просто-напросто издеваются, и рассвирепел. Ему уже было наплевать на защиту. Главное – попасть, хоть раз заехать в мерзкую рожу врага. Он махал своими клешнями, пока окончательно не выдохся. Глаза Юрка, действительно, закрывал, и это сыграло с ним злую шутку. На развороте его занесло, он споткнулся, упал и сильно порезал ладонь доньшком битой бутылки.

Я думал, Напреев от злости заплачет. Нет, вид собственной крови успокоил его. Он осторожно поднялся, держа на излёте руку, чтобы не испачкать штаны.

- Разошлись! – запоздало скомандовал Славка.

Через пару минут мы уже хлопотали над раненым. Витька схватил пустую бутылку и побежал в депо за чистой водой. Я отыскал подходящий лист подорожника, развернул узелок с конфетами и разорвал платок на три лоскута. Босыра руководил.

Рана была неглубокой. Её промыли водой, наложили повязку.

Потом мы сидели на склоне оврага и поминали Лепёху. Ели конфеты с печеньем, запивая водой из бутылки.

Никто не смеялся, а Юрка вообще потух.

– Ни хрена себе, веники!.. – сказал он в раздумье. – Пята, получается, меня отхреначил. Вот уж от кого не ожидал!

– А я тебе давно говорил, – завёлся Босыра, – будешь во время драки глаза закрывать, скоро и Витя Григорьев навешает тебе звиздюлей. Дело даже не в том, что у тебя первого кровяца пошла. Ты ведь ни разу в него по-хорошему не попал. А он мог бы тебе раза четыре сопатку разбить. Но почему-то не стал. Мне кажется, Пята втихаря где-то занимается боксом. Нет, как он через тебя перепрыгнул! – И Славка залился колокольчиком.

Прощаясь, мы с Юркой обнялись и пожали друг другу руки. Это тоже из дуэльного кодекса. Драки один на один не плодили врагов, если всё было по-честному.

Витёк провожал меня до двора. Нам было по пути.

– Слушай, как же Лепёха умудрился тебе приварить? – спросил он.

– Шёл, в небо смотрел и в спину его случайно толкнул. А он не заметил, что это я.

– Научишь меня?

– Драться, что ли?

– Ага.

– Научу, – согласился я, – если скажешь мне одну вещь.

– А я её знаю?

– Всегда говорил, что знаешь.

– Ну спрашивай.

И тут я решил проверить одну из своих гипотез:

– Сколько будет семью восемь?

– Сорок восемь! – отчеканил Витька на автомате и покраснел. – Ой, нет, погоди, сейчас посчитаю...

Он думал, что я засмеюсь, и приготовился психануть. А мне просто стало грустно. Таблицы умножения мой друг не знал и очень стыдился в этом признаться. Я обнял его за плечи.

– Спасибо тебе, корефан, что не соврал.

– Так научишь? – Витька смотрел на меня исподлобья, ожидая подвоха.

– Без базара! – Я чиркнул, для верности, ногтем большого пальца по верхним зубам. – Завтра же и начнём. Только сначала ты мне расскажешь всё, что знаешь про умножение на один.

– На один?! Ха! Да я хоть сейчас могу!

– Нет, завтра. Послезавтра расскажешь на два, ну и так далее. Спрашивать буду вразброс. Если не выучишь, тренировки не будет.

– Какой-то ты, Сашка, стал не такой, – возмутился Витёк, – вредный, как мой пахан. Ну где я тебе найду эту таблицу? Тот учебник давно уже в печке сгорел.

Я достал чистую тетрадь в клеточку, ткнул пальцем в последнюю страницу обложки:

– А это тебе что?

Витька проследил за моим пальцем и разродился своей знаменитой фразой, почерпнутой у своего отца:

– Крову мать!

На том мы и разошлись. Перед тем как войти во двор, я ещё немного посидел у калитки. Послушал, как лает Мухтар. На смоле у сторожки жгли грязную паклю. Просквозил на своём

газончике дядька Ванька Погребняк. И всё. На улице было пусто. Жара. Пацаны, наверное, все на речке.

Погода моего детства радовала теплом. Без рукотворного Кубанского моря климат был совершенно другой. Купальный сезон у нас, пацанов, начинался в конце зимы. Февральские окна – это десять дней полноценного лета. Глубокие рытвины на разбитой грунтовке, которую бабушка называла не иначе как прохвиль, наполнялись талой водой. Под солнечными лучами они исходили паром. В субботу и воскресенье у лесовозов был выходной, и вода в колее оттаивалась до нормальной прозрачности. Для мелюзги – самое то! В самых глубоких местах можно было даже нырять.

А больше по этой дороге никто не ездил. Частных машин на нашем краю было всего две: убитая «инвалидка» безногого дядьки Мишки и невыездной «москвич» дядьки Сашки Бараникова по кличке Синьор Помидор. Это было не средство передвижения, а, скорее, предмет роскоши. Помидор являл его миру лишь в погожие летние дни. Естественно, все пацаны сбегались взглянуть на этот спектакль.

Хозяин открывал кирпичный гараж. Выкатывал руками свою дорогую игрушку. Приближаться не позволял, а уж трогать – ни-ни! Потом Помидор доставал из салона чистые тапочки. Переобувшись, садился за руль и заводил двигатель. Некоторое время погазовав, он проделывал то же самое, но уже в обратном порядке. Дядька Ванька Погребняков называл этот процесс «боевым проворачиванием механизмов».

К началу марта высыхала дорога. Приходили машины с гравием, грейдеры, тракторы. Ровняли, закапывали, утаптывали. Но купальный сезон продолжался. Прогревались мелководные притоки нашей горной реки. Все глубинки знали наперечёт. У каждой было своё название: Тарыкина, Лушкина, Застав...

К старому новому дому я быстро привык. Не глядя, кинул портфель на обычное место. За окном, на меже, дед ремонтировал летнюю печку. Баба Лена в огороде полола свёклу. На столе, укутанные в тряпье, хранили тепло кастрюли с едой.

После сладкого есть не хотелось. Поэтому сразу пошёл с докладом, прихватив по дороге оба пустых ведра для воды.

– Что получил?

Традиционный вопрос. Дед всегда его задавал, если сам не успеешь гаркнуть с порога: «Четыре, четыре, пять!» Сегодня пришлось оправдываться:

– Не спрашивали. Да у нас всего два урока и было. Потом все ходили с Колькой прощаться.

– И где же ты столько блукал?

– С пацаном одним подрались. Один на один.

– В школу не вызовут?

– Нет.

– Ну добре! Иди уроки учить. Да не забудь переодеться.

Ох и нудное это дело! Но такова жизнь. За всё на свете нужно платить. Даже за счастье.

Набирая воду, заметил на дне колодца четыре пустых ведра. Взял на заметку.

Уроки я всегда делал под радио. Телевизор мы купим не скоро. Посторонние звуки мне, в принципе, не мешали. Наоборот, грамотный русский язык дисциплинировал речь. Если нужно что-нибудь выучить наизусть, можно всегда выйти во двор. Бывало, скрипишь пёрышком, кладёшь на бумагу какое-нибудь скучное упражнение, а в уши тебе «Театр у микрофона», «КОАПП» или, того лучше, «Клуб знаменитых капитанов». Я всегда с предвкушением ожидал вечера четверга, когда выходили в эфир юнга Захар Загадкин и корабельный кок Антон Камбузов в интереснейшей передаче «Путешествие по любимой Родине». А больше всего не

любил «Пионерскую зорьку». Если я слышал её позывные, значит, проспал. И в школу придётся не идти, а бежать.

Судя по записям в дневнике, с расписанием на завтра мне повезло. Кроме стандартного набора – арифметика, русский, – будет ещё инглиш, физ-ра и труд. А с учётом того, что сегодня у нас был только один урок, тут вообще делов на один чих. Хоть и длинное, но только одно упражнение.

С иностранным у меня всегда без проблем. Стоп, вру. Сначала они были. И очень большие. Английский язык я изучал с первого класса, когда ещё жил на Камчатке. В память об этом в моём доме хранится накрахмаленная салфетка с надписью, которую я вышил собственноручно на уроках труда: *Narru new year!* Ничего, кроме этой фразы, в моей голове как-то не задержалось.

Переехав сюда, я очень обрадовался, что ненавистный English отсутствует в школьной программе. Но к пятому классу он меня всё же догнал. И, к моему удивлению, дело пошло. В отличие от своих сверстников я уже нахватался верхушек и получил какую-то фору. Да и во взрослой жизни английский язык шёл со мной рука об руку: мореходка, загранка – какая-то разговорная практика. Так что, если завтра я проявлю «недюжинные способности», фураора не будет.

Упражнение было хотя и длинным, но простеньким. Всего-то – вставить пропущенные буквы. Писать металлическим пёрышком я потихоньку приуловился. И даже нашёл в этом нудном занятии своеобразный шарм. Да и текст был знаком. «Баржа и лодка возле неё, поне-много терявшие очертания...» По-моему, это из Серафимовича.

Я уже подходил к последнему предложению, как вздрогнул от неожиданности. Ручка была в чернильнице, а то поставил бы кляксу. Наша «тарелка» вдруг ожила и хорошо поставленным голосом внезапно произнесла: «Уважаемые радиослушатели! Передаём сигналы точного времени. Начало шестого сигнала соответствует пятнадцати часам московского времени».

Вот честное слово, меня на слезу прошибло. Как давно я не слышал этой простенькой фразы! Казалось бы, мелочь, но из таких штрихов складываются картины эпохи.

Будильник передо мной отстал на четыре минуты. Я подводил стрелки, пропуская через себя каждое слово.

«В столице 15 часов, в Свердловске и Кургане – 16, в Волгограде – 17, в Душанбе и Караганде – 18, в Красноярске – 19, в Улан-Удэ – 20...»

Это был голос великой страны, ещё не подпорченной шашелем перестройки.

Потом зазвучали новости.

Молодые строители из Апатитов передали эстафету ЦК ВЛКСМ «Юбилею революции – подарки молодёжи» городу Кириши.

В Москве открылся четвёртый съезд советских писателей.

Гамаль Абдель Насер объявил о закрытии залива Акаба для израильских судов. В Египте и Израиле объявлено о призыве резервистов на действительную военную службу.

В Адене продолжаются переговоры верховного комиссара Великобритании Хэмфри Тревельяна и президента Йеменской Арабской Республики о мирной эвакуации британских войск и передаче власти освободительному движению.

На пожаре в крупнейшем универмаге Брюсселя «Инновасьон» погибло 322 человека. Очень многие получили ожоги и ранения, отравились угарным газом...

Я дописал последнее предложение и глянул в настольное зеркало. Да, это я. Роба вполне узнаваема, хотя и смотрится непривычно. Фингалы в самом соку. Так и наливаются синевой. Я с размаху вписался в мир, бывший когда-то привычным. Всё по большому счёту в нём неизменно. Вот только рядом со мной сплошная чересполосица. Я получил от Лепёхи, Напрей – от меня. А в недавно законченной жизни такого не было. Это точно. Такие воспоминания не стирает даже склероз. Получается что? – даже в таком положении есть у каждого человека сво-

бода выбора. Пошёл направо – нашёл кошелёк. Налево – попал под машину или в речке утоп. Нужно быть осторожней. Интересно, а в этой псевдореальности смерть – настоящая или так, понарошку? Типа того, что смотрели кассету и положили в коробку? Может, и Колька Лепёхин получил свои девять дней и пребывает сейчас в новой реальности? Ладно, закончится срок, там будет видно. А сейчас что гадать? Начать бы сначала! Я прожил бы жизнь по-другому, с учётом предыдущих ошибок. Стал бы лучше, добрей. Как поётся в известной песне, «когда изменяемся мы, изменяется мир».

Полный сил и благих намерений, я забросил в портфель учебники. Хотел было делать крючок – пойти достать из колодца упущенные туда вёдра, но на улице зауркал мой корефан. Кажется, его рожа меня уже начала доставать.

– Что тебе?

У Витьки в руках тетрадный листок и карандаш.

– Санёк, я тут пару примеров решил из задачника. Проверь, а?

– Что тут стоять? Пошли в дом.

– Некогда мне. Пахан отпустил на пятнадцать минут. В поле, на огород, собираемся.

Вот Казия! Ну ни капли не изменился. Он ведь ни разу не был у меня дома! Я его в детстве несколько раз на день рождения приглашал. Помню, в первый свой отпуск приехал, привёз из Дании бутылку «Смирновской», и тут мой старинный дружан на улице подвернулся.

– Пошли ко мне, посидим, вмажем!

– Нет, – говорит, – давай здесь.

Ну, сбегал я в дом, принёс эксклюзив, стаканы, по куску колбасы. Витька глянул на это богатство, поморщился.

– Знаешь, Санёк, сидеть, разговоры длинные заводить – это я не мастак. Ты мне сразу налей стакан, я махну и пойду по своим делам.

Вот такой занятой человек. Ну, сейчас хоть примеры начал решать. Я пробежался глазами по цифрам и честно сказал:

– Молоток! Пятёрку за это дело я тебе не поставил бы, но твёрдый трояк ты заслужил.

– Что не так? – забеспокоился Витька.

– Начёркано много, и почерк у тебя ни в дугу. Вот если бы ты постарался...

– Ты мне, Санёк, честно скажи: зачем оно надо? В институт я не собираюсь. Отслужу – на работу пойду. А деньги я и сейчас лучше тебя могу посчитать.

Вот так. Он своё будущее уже тогда запланировал. А я до восьмого класса не мог связать обучение в школе с перспективами дальнейшей жизни.

– Кем работать-то собираешься?

– Шофёром. Как мой пахан.

– Как же ты будешь заполнять путевой лист?

– Чё?!

– У папки спроси, чёкало! Без этой бумажки ни одного водителя не выпустят из гаража. Там в каждой графе арифметика: сколько километров проехал, сколько бензина ушло и сколько осталось в баке.

– Ты-то откуда знаешь?

– От дядьки Ваньки Погребняка. Он моему деду...

– А-а-а! Ну ладно, потом расскажешь, а я побежал. Пахан, наверно, уже психует.

Я смотрел ему в спину и думал о том, что, если бы в прошлой жизни Витьке кто-нибудь помог с математикой, он, возможно, и стал бы шофёром, а не грузчиком в мебельном магазине. Машина дисциплинирует. В сфере торговли, с её леваками и дефицитами, он спился буквально за год.

Пока я делал крючок и прилаживал его к деревянному шесту на носу журавля, стало смеркаться. Дно колодца перестало просматриваться, а на ощупь я смог достать только одно ведро.

После ужина на всей нашей улице пропал свет. Я наведалься на подстанцию. У стенки возле открытых дверей РУ 0,4 кВ стоял велосипед. Всё как положено, полный обвес: на руле – монтерские когти и моток линейного провода, в багажнике – сумка с инструментарием. В недрах распределительного щита с нашим присоединением копался электрик.

– Кыш отсюда, пацан, – сказал он не оборачиваясь, – а то придёт дядька ток, дасть тебе хворостины!

Я узнал его и по голосу, и по коричневому портфелю с гэдээровской переводной картинкой чуть ниже замка. Солнечная блондинка ещё не покрылась сетью морщин и скалила ровные зубы в беззаботной улыбке. Когда я пришёл в Горсети, Старому было под семьдесят, но он продолжал работать линейщиком и ползать по опорам на лазах.

– Привет, Алексей Васильевич, – сказал я его спине. – Что, снова пээн сгорел?

Электрик дёрнулся, ударился головой о раскрытую дверцу ячейки и почему-то рассви-репел:

– Пошёл вон, паршивец! А то я тебе сейчас надеру вухи! Будешь ты тут ещё глупости за взрослыми повторять. Зуб, это опять ты со своими под...ками?!

Шутка не удалась. Пришлось ретироваться.

Пока суд да дело, на землю упала ночь. Домашние сидели у обновлённой печки. В кои веки они собрались вместе: обе мои бабушки и два деда. Говорили о внуках и детях. Не разошлись даже тогда, когда Алексей Васильевич закончил свою работу.

В топке потрескивали дрова. На фоне мерцающих звёзд из невысокой трубы, как светлячки, вылетали лёгкие искры. На плите закипало ведро с одуряюще пахнущим варевом. Это дед Иван запаривал овёс для своей рабочей лошадки. В прошлой жизни я этого не знал и, выждав момент, тогда спросил:

– Это кому?

– Кто любит Хому!

Что такое «хома» я не имел представления, но на всякий случай сказал:

– Я люблю!

И все засмеялись.

Помня о том случае, сейчас я не стал ничего спрашивать. Молча сидел в стороне, смотрел на родные лица и наслаждался свалившимся на меня волшебством. Чёрные тени гуляли по огороду. В воздухе мельтешили летучие мыши. Кроны деревьев клубились у края межи. Где-то там завёл свою песню сверчок: «Кру-у, кру-у»...

В детстве мне представлялось, что где-то там, между густых ветвей, есть комнатка размером со спичечный коробок. В углу топится печка, горит каганец. За столом стучат ложками маленькие сверчата. А мама сверчиха наливает в тарелки ароматное варево и поёт своим детям эту грустную песню.

Глава 4. Опять Горбачёв

Человек, говорят, ко всему привыкает. А я всё не мог слиться с этой реальностью. Память о прошлом довлела над бытом в режиме онлайн, но оно не спешило сдавать в утиль старческие привычки. Вставал я по-прежнему в шесть утра, чем очень расстраивал бабушку. «Да что ж это за дитё?!» – ворчала она. Пришлось придумать отмазку. Дескать, утром, на свежую голову, легче учить уроки.

В школе мои дела шли тоже ни шатко ни валко. Слишком многое подзабылось за долгую жизнь. Впрочем, дело не только в этом. Я и сам старался по минимуму. Можно сказать, не учился, а отрабатывал номер. Мол, я в этом времени временно, сойдёт и так. Сам удивляюсь, как не скатился на тройки. Спасибо за это Саше Денисову, место которого я временно занимаю, доброй славе твёрдого хорошиста, что перешла ко мне вместе с его телом, и нашей детской смекалке. Отвечал у доски так, что отскакивало от зубов. Потом можно было ничего не учить. Пробежишь глазами по материалу перед уроком – и всё. Если вызовут, главное – бойко начать. Скажешь два-три предложения – учитель перебивает:

– Достаточно, пять.

Что самое странное, меня этот новый мир однозначно принял за своего. Никто ничего не заподозрил ни в школе, ни дома. Один только Витька несколько раз сказал:

– Тебя, Санёк, будто подменили.

Ну, его интуиция сродни волшебству. Помню, послали нас как-то в подшефный колхоз на прополку свёклы. Бригадирша построила школьников у межи. «Выбирайте рядки», – говорит. Мы чуть не в драку. И как-то так получилось, что Витьке Григорьеву достался самый зачуханный участок. Все уже метров по двадцать прошли, а он всё с началом муздыкался. Пока были силы, ох как словесно над ним издевались! Мол, Казия, что с него взять? Потом приуныли. За первым пригорком у всех начались настоящие джунгли, а у Витьки – ни сорняков, ни свёклы. Наверное, после перезарядки сеялка забыла закончить этот рядок. Так он и шёл до самого края поля, поплёвывая в разные стороны.

Мы с Витькой теперь ежедневно общались. Сразу после уроков шли на место нашей с Напреем дуэли, где я пытался его обучить хотя бы азам бокса. Всё пытался растолковать, зачем «челночок» нужен и что он даёт.

– Руки, Витёк, у людей разной длины. Плюс пять сантиметров на ринге – это уже преимущество. А мы с тобой ростом ещё не вышли. Нужно сначала сблизиться до ударной дистанции. То есть хитрить, двигаться, маневрировать. Иначе – жопа, он тебя будет конкретно бить, а ты колотить руками по воздуху.

Пару дней я пытался поставить ему защиту. Тщетно. Витька даже ходил как-то асимметрично. Мало того что вразвалку. Он будто не шёл, а дрался в открытой стойке – столь беспорядочно двигались его плечи и руки. А когда я достал из портфеля скакалку, мой корефан конкретно забастовал.

– Ну его на фиг, Санёк! Не по мне это дело.

Насколько я понял, Витьке был нужен один-единственный универсальный приём, такой, чтобы валил всех, невзирая на рост и длину рук. Желательно без малейших усилий с его стороны. А так не бывает. В общем, он к боксу остыл.

Но нельзя сказать, что наши занятия не принесли никаких результатов. Даже наоборот. Витька перестал сдирать у меня «архметику». На последней контрольной всё решал сам и честно заработал тройку.

Меня эта тройка очень порадовала, хотя она и не совпадала с моим каноническим детством. То, что оно неповторимо, я всё более убеждался с каждым новым прожитым днём. События в новой реальности складывались совершенно иначе. И дело тут не только во мне.

Сам этот мир изменялся по каким-то своим законам. Кто знает, возможно, я был тому причиной. Ведь не встретить Лепёха меня, он спокойно докурил бы свой бычок и ушёл по делам, которые у него были намечены. Не стал бы возвращаться домой, где кто-то его подбил сходить искупаться в горной реке. А вот его смерть оказалась настоящим катализатором для всех изменений, которые стали постепенно происходить.

Сколько его родственников из других городов побросали начатые дела и едут сейчас на похороны! И все ведь при деле, не тунеядцы. Пришлось им отпрашиваться, меняться рабочими сменами. Скольких людей это коснулось, скольких коснётся ещё!

А дальше – как снежный ком. В школу нагрянула комиссия из краевого отдела народного образования разбираться со всё тем же несчастным случаем. В неё случайно затесался огромный мужик с широко расставленными глазами. Был это, как я потом узнал, председатель крайисполкома Иван Ефимович Рязанов. Он приехал в наш город совсем по другим делам – изучать производственный опыт местных животноводов, а в школу пришёл за компанию с соседями по гостинице. Следом за ним подтянулось и наше районное руководство. Народу собралось столько, что им в учительской было тесно. Потом все чиновники быстренько разошлись. Остался только один Рязанов. Он вместе с нашим Ильёй Григорьевичем заперся в директорском кабинете и сидел там до темноты.

Об этом потом рассказывал Колька Зеленкевич. Его мамка работает в школе техничкой, и её несколько раз посылали за коньяком. Если Зея не врёт, Рязанов и наш Небуло во время войны вместе учились в Сталинградском авиационном училище лётчиков. Чем дело закончится, можно только гадать. Но интуиция мне говорила, что Илью Григорьевича не накажут. А если накажут, то несильно, любя. Я всегда уважал этого человека. За кажущейся его простотой скрывался недюжинный ум и тончайшее чувство юмора. Он у нас вёл историю. Материал он излагал доступно, своими словами. О причинах великой древнегреческой колонизации рассказывал так:

– Земли у них не было, пастбищ у них не было, ничего у них не было.

Как-то директор вызвал к доске Витьку Григорьева. Тот, как обычно надеясь выехать на подсказках, стоял, округлив глаза, и кивал подбородком в сторону первых парт. Илья Григорьевич что-то там записал в классном журнале, посмотрел на него из-под толстых очков и грустно сказал:

– Садись. Правильно думаешь.

Такие вот перемены. На первый взгляд, ничего кардинального. Ну, школа, переполох в городе, связанный с приездом начальства. Я здесь всего-то три дня, но, по-моему, и в стране тоже стало что-то происходить. Достал вон вчера из почтового ящика свежую прессу, пробежал глазами по первой странице, и что-то меня насторожило. Со второго раза отыскал фамилию Горбачёв, выделенную жирным курсивом. Инициалы те же. Блин, он и здесь на виду! Читаю. В длинном списке фамилий делегатов от Ставрополя на партийно-хозяйственной конференции третьим стоит Горбачёв М.С. – заместитель начальника краевого управления Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР по Ставропольскому краю.

Я сдуру помчался искать деда, хотел поделиться с ним этой нечаянной радостью. Да вовремя спохватился. Как я ему объясню, что это так важно? На политику государства мои старики дышали достаточно ровно. К высшему руководству страны относились со снисходительностью ровесников.

Как-то, в той ещё жизни, бабушка ощипывала цыплёнка и волей-неволей слушала радио.

«Вчера в Москве, – вещал диктор, – состоялась встреча Генерального Секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева с Президентом Финляндии Урхо Калео Кекконеном, прибывшим в нашу страну с официальным визитом. В честь высокого гостя в Кремле был дан обед. Обед прошёл в тёплой, дружественной обстановке».

Диктор сделал короткую паузу, чтобы перейти к другим новостям, а бабушка тут же её заполнила.

– Ещё бы подрались! – сказала она.

Эх, знал бы Колька Лепёхин, чем обернётся его смерть для огромной страны! Ведь одно дело – давить крота внутри Комитета госбезопасности и совершенно другое – в недрах Политбюро. Всё будет не так. Лучше, хуже – но точно не так.

Внешне наш город ни капли не изменился. Те же саманные хаты, одноэтажные домики, улицы, белые от гусей и китайских уток. Бедность и чистота. Не было ни помоек, ни свалок. Всё, что горело, сжигалось в печи. Всё, что имело остаточные калории, съедала домашняя живность. Стеклотара сдавалась в приёмные пункты. Дырявые вёдра, тазики и корыта тоже шли в дело: раз в месяц по улицам проезжал дед на понурой лошадке, запряжённой в громяющую подводку, и мы, пацаны, тащили ему весь этот неликвид, получая в награду глиняные сви-стеньки и сахарных петушков на палочке. В центре, как встарь, выстраивалась очередь у пункта заправки шариковых авторучек, а около автовокзала шли на ура песенки «на костях» (самопальные пластинки с хитами того времени, записанные умельцами на старых рентгеновских снимках). В парках и скверах вечерами звучали гитары. Те самые песни «восьмёрочной», на семи струнах: «Любка», «Искры в каминах», «Дымит сигарета с ментолом», «Поезд в синем облаке тумана». О «Битлах» и британской группе «Кристи» местные барды ещё не слышали. Даже перепев Yellow river в исполнении «Поющих гитар» до провинции не скоро дойдёт. Это годика через два, когда я сам возьму в руки гитару, аукнется по всем подворотням:

В Ливерпуле, в огромном зале,
В длинных пиджаках,
Четыре чувака стоят
С гитарами в руках...
Причёска битла,
Брюки клёш,
И ты уже поёшь:
Can't buy me love, no, no, no, no...

Нет, причёски «под битлов» ещё не носили. У стилиг были в моде узкие брюки и коки на шевелюрах. Их было мало. Поэтому их били. Не за что-то, а просто так, на всякий случай, чтоб не выделялись. Тут люди на танцы ходят с заплатками на обоих полужопах, а они...

В общем, эти три дня были просто отдохновением для души, погружением в ожившую ностальгию. Просыпаешься утром, а по радио: «Здравствуйте, товарищи! Утреннюю гимнастику начинаем с ходьбы на месте». И рояль – бодренько так – трам-тарарам! Что интересно, фамилии те же самые: «Урок провели: преподаватель Гордеев, музыкальное сопровождение – пианист Ларионов».

Такой вот антураж. Честно сказать, мне стало стыдно. Я больше интересовался своим, личным временем, чем тем, в которое меня занесло. Брал от него, ничего не отдавая взамен. Витька не в счёт, Витька друг.

И тут эта газета. Прочитав фамилию Горбачёв, я впервые серьёзно подумал, что всё в этом мире может быть настоящим... кроме меня. Люди живут и не собираются умирать, а я в этой реальности – единственное слабое звено. Уже через пять дней произойдёт рокировка. Вместо меня вернётся в свой дом мальчишка, у которого отомрёт память о своём вероятном будущем. Только жаль, не будет он помнить, как победил самого Напряя.

В общем, решил я оставить этому времени что-нибудь от себя. Какой-нибудь эксклюзив, на долгую память. А лучше всего – электрическую виброплиту.

Эта идея пришла не спонтанно. Она зрела давно. Лет десять назад я уже делал такой агрегат и в процессе изготовления не раз вспоминал, как дед в своё время «асфальтировал» двор нашего дома. Он рубил топором застывший гудрон, которого возле железной дороги было немерено (стелился по насыпи жирными языками), отдирали его от земли и свозил на тачке во двор. Потом разжигал костёр и расплавлял этот гудрон в двух оцинкованных вёдрах. Кипящая чёрная масса ложилась на землю в границах опалубки ровно по горизонту. Дед посыпал её чистым песком и укатывал сверху обрезком тяжёлой железной трубы. И так ровно три слоя.

По нынешним временам это смотрелось бы дико, но не время диктует свои законы, а люди, живущие в нём. Это было общество не потребителей, а созидателей. То, что можно сделать своими руками, делалось, несмотря на трудозатраты. Дед убил на эту работу всё лето и половину осени. Даже на мой неискушённый взгляд, получилось не очень. Во время летней жары «асфальт» становился мягким и весь покрывался тонкими трещинами, сквозь которые сочилась смола. Приходилось опять и опять посыпать его свежим песком.

С годами, конечно, всё устоялось. К моему возвращению с Севера поверхность заливки была похоронена под слоем земли в четверть штыка и обрела плотность природного камня. Ломом не угрызёшь, только промышленным перфоратором. Когда я копал яму под столб, чтобы сделать загородку для кур, не раз вспомнил своего деда.

Виброплита так виброплита. Как и любой нормальный мужик, руки которого произрастают из нужного места, я всегда обращаю внимание на разные бесхозные мелочи, которые могут стодиться в домашнем хозяйстве. Прошлое, в котором я оказался, было в этом плане настоящим Клондайком. Много из того, что меня сейчас окружает, я взял бы в своё будущее, почему-то не ставшее светлым. Ну, начнём хотя бы с того, что весь берег речушки, протекавшей вдоль полотна железной дороги, был буквально завален брёвнами. Настоящей, деловой древесиной, которую в наше время считают до долей кубометра. Никто это богатство не охранял, более того – не растаскивал. Что касается металлолома, то о него спотыкались. Метрах в пятнадцати от нашей калитки стоял на осыпавшемся бетонном фундаменте дебелий железный бак. Чем он был раньше, я не вникал. Знаю только, что паровозы в то время переводили на жидкие виды топлива, и в тендерах, вместо угольных куч, стали появляться цистерны.

Ходил как-то в депо, за банкой солянки, к новому поколению железнодорожников, они меня и озадачили:

– Дядя Саша, а почему насыпь везде высокая и короткая, и только у нас длинная и пологая?

– Так у вас же здесь ремонтная яма.

– Ну и что?

– Как, – говорю, – что? Когда тормозные колодки меняли, старые выбрасывали сюда, под откос. А как в темноте начинали о них спотыкаться, присыпали для безопасности шлаком. Так что вы, мужики, на железе стоите.

– Да ты что?! И сколько, примерно, здесь?

– Не меньше двух третей объёма. Тонны, наверное, три, а то и четыре.

Поверили мужики. Трактор пригнали, прошлись по самому низу, наковыряли КамАЗ с прицепом, остальное оставили на потом. Говорил им, что надо было две машины заказывать, так не послушали.

Хотели мне деповские деньги за наводку отсыпать, только я отказался.

– Дайте, – сказал, – лучше лист нержавеющей.

– Какой ещё лист? Нет такого у нас...

Пришлось показать.

– Вот тут, – говорю, – дерево когда-то росло. Под ним он стоял. Отрезали ремонтники, сколько надо, остальное к стволу прислонили. Вон, видишь уголок из земли торчит? Пока трактор здесь, можно и раскопать...

Не заглобили деповские, отдали мне тот трофей. Даже до дома помогли донести, хотя по рожам было видно, что жалко. Ещё бы! Полтора на два метра, и толщина не меньше десяти.

– И как, – сокрушались потом, – никто этот лист домой не упёр? Это ж, наверное, было когда-то рабочим столом какого-нибудь станка?

– Весь в смоле, оттого и не взяли, – пояснил я, – в те времена чистую нержавейку можно было добыть без проблем. Да и куда её в домашнем хозяйстве? Виброплиты ещё не делали, даже не знали, что это такое. За токарный или слесарный станок можно было в ОБХСС загреметь. Из такого железа варили памятники. Вон у моего деда полсотни годов на могилке такой простоял и ещё протянул бы пару веков, если бы я его на мрамор не поменял...

Такой вот временной парадокс. Тот самый лист нержавейки, из которого лет через сорок я сделаю виброплиту, стоял сейчас под раскидистой алычой, и она не скоро засохнет. Я знаю на этом железе каждый надрез, и по памяти могу разметить, и весь двор им протоптал, а оно ещё не моё!

Думал я, грешным делом, на правах будущего хозяина, тёмной ночью домой его упереть, но силёнок пока маловато. Да и дед бучу поднимет: «Где взял? Почему без спросу? Сейчас же тащи назад!»

Опыт есть. Нарвал я как-то у забора соседки Пимовны горсточку шпанки, бабушке на компот. Так дед заставил вернуть ей всё до последней вишенки, ещё и прощения попросить. Уж я и плакал, и ногами сучил, и говорил, что больше не буду, а он ни в какую: «Сам сорвал, сам и отнеси!» Правда, Пимовна совсем не ругалась. Она прослезилась, у меня на лице слёзы вытерла и разрешила рвать свою вишню, сколько и когда захочу. Только я к этому двору долго не подходил. Стыдно.

Понимание жизни я не пропил, на память не жаловался. Все вопросы в то время были решаемы. Они делились на две категории: «уважить» и «магарычовое дело». В первом случае услуга обычно оказывалась безвозмездно, поскольку самому исполнителю она ничего не стоила. Или почти ничего. Или она была связана с его основной работой. Уважить могли не каждого, а только хорошего человека. Таких определяли издали, визуально, по двум основным критериям. Если двор возле дома бурьяном не зарос, огород в полном порядке, а родные могилки на кладбище содержатся в чистоте, значит, этот человек со всех сторон положительный и может рассчитывать на уважение. Отдельной статьёй стояли фронтовики. То, что любому другому стоило бы накрытой поляны, они могли получить без всяких материальных затрат. В то время копейка была на счету потому, что имела цену. С людей за работу брали по совести.

Под категорию «уважаемых» я не канал. Поэтому начинать надо было с магарыча, трясти копилку. Была у меня голубка из гипса, заполненная на треть железными рупчиками. Монет с другим номиналом там отродясь не бывало. Гнутые медяки на дороге я не находил, пустые бутылки не собирал, не сдавал, сдачу из магазина отдавал до копейки и вообще к презренному металлу был равнодушен. Не сказать даже, чтобы я на что-то копил. Процесс стяжательства больше напоминал ритуал. Ни с того ни с сего появлялись деньги, и я опускал их в узкую прорезь на спинке голубки просто потому, что не имел представления, как ими по-иному распорядиться.

Как это «ни с того ни с сего?» – спросите вы. А вот так. Просыпаешься утром, идёшь в огород, а дедушка, к примеру, говорит:

– Ну-ка, сбегай к бабушке Паше, постучи в калитку и расскажи стишок: «Сею-вею, посеваю, с Новым годом поздравляю! Вынай сало, колбасу, а то хату разнесу!» Запомнил?

Чего ж не запомнить? Тем более стучаться не надо. Дед Иван уже у калитки стоит, улыбается в чёрный ус. А за его спиной баба Паша, держит в руках тарелку со сладостями. Подбежишь к ним, выпалишь слово в слово – и все гостинцы твои, а сверху – железный рупчик.

Мне кажется, все бабушки того благословенного времени собирали металлические рубли, чтобы одаривать ими своих многочисленных внуков. У меня же бабушек было больше десятка. Раз в месяц, а то и чаще, когда позволяли полевые работы, мы ехали кого-нибудь из них навестить. Рубили самую жирную курицу, набивали авоську подарками и тряслись в дребезжащем автобусе в Майкоп, Армавир или в село Натырбово. Из каждой такой поездки я возвращался с двумя рублями, так как в каждом из этих мест у меня проживало по две бабушки.

Сколько в итоге там рупиков накопилось, одному богу известно. С Камчатки приехал мой старший брат, начал покуривать, увлёкся танцульками и девчонками. В общем, когда я разбил голубку, в ней оказались только железные шайбы и свинцовые пломбы.

Без угрызений совести я уменьшил Серёгин кошелек сразу на три рубля, рассовал их по разным карманам, чтоб не звенели, и направился напрямик к дяде Васе Культе, связующему звену между жителями окрестных домов и железной дорогой.

Там давно пошабашили. К концу рабочего дня очередь из машин рассосалась. Раздаточный шланг был отведён в сторону. Дядя Вася с напарником сидели на улице за столом и потребляли «Портвейн-72». В жилу попал. Приблудный щенок, живший под вагончиком при смоле, несколько раз тявкнул. Обозначил служебное рвение.

Но и без этого моё появление не прошло незамеченным.

– Здорово, барчук! Есть вопрос или мимо шёл?

– Да вот, – говорю, – дядя Вася, магарычовое дело.

– Магарычо-овое? – усмехнулся его напарник. – Задачку, что ли, не можешь решить?

Мужики – само благодущие. Отчего не поприкалываться?

– Да нет, – отвечаю в такт общему настроению, – задачки мне бабушка помогает решать, я по другому вопросу. Мне нужен вон тот лист нержавеющей стали.

Дядя Вася проследил за моим указательным пальцем.

– Зачем тебе? Это железо серьёзное, деловое. Если на металлолом, возьми лучше старые тормозные колодки. Хоть все забирай. Скажешь, я разрешил.

– Так мне для дела и надо. Хочу сделать деду электрическую трамбовку.

– Электрическую трамбовку?! Никогда о такой не слышал! – изумился Культя и достал из-за уха химический карандаш: – А ну, нарисуй!

Я вытащил из кармана заранее заготовленный лист с эскизом и чертежами, разложил на столе. Дядя Вася углубился в его изучение.

– Ты смотри! Даже размеры проставил, – одобрительно хмыкнул он. – Только не будет работать эта чертовина.

– Будет! – отрезал я.

– Ну и молодёжь пошла! Ты ему «стрижено», а он тебе «скошено»! А ну-ка, скажи, Петро, – обратился Культя к напарнику, – сможет ли эта чертовина что-нибудь трамбовать?

Напарник пожевал папироску, скосил глаза на эскиз и задумчиво произнёс:

– Если двигун стуканёт, то какое-то время и оно постучит. Как сильно, не знаю, но постучит. Только с какого хрена он стуканул бы? У тебя, как я понял, мотор электрический?

– Можно приладить бензиновый, только где ж его взять? Поставлю что есть, от старой стиральной машины.

Мужики ненадолго задумались. Обо мне будто забыли. Дядя Вася разлил по стаканам остатки портвейна, поставил пустую бутылку у ножки стола и спросил:

– Ты об этой чертовине где вычитал? Там о принципе действия ничего не написано?

– В «Юном технике»... – мгновенно соврал я, заворожённо глядя на ходящие ходуном кадыки мужиков, и хотел было замолчать, но напарник Петро махнул рукой: мол, говори! – Можно сделать вибрационный двигатель, – послушно продолжил я. – Чтобы он хорошо трамбовал и долго работал, по обе стороны ротора ставят эксцентрики, которые нужно выставлять симметрично. Каждый из них представляет собой два полукруга. В нулевом положении дви-

гатель почти не стучит, но по мере расхождения лепестков увеличится мощность, с которой основание аппарата будет давить на грунт...

– А если, к примеру, ротор с одной стороны на подшипнике в обойме сидит? – перебил меня дотошный Петро.

– Тогда подойдёт второй вариант. Вал с эксцентриками выполнить в виде отдельного блока и приварить к раме. Сам двигатель посадить на резиновую подушку, на ротор поставить шкив...

– Убиться веником! – сказал дядя Вася. – Ты откуда слова-то такие знаешь: вал, эксцентрики, ротор?

– Как! Я же в школе учусь. Мой одноклассник Рубен уже со второго класса двигателя для турчков собирает и ремонтирует.

Турчками у нас называют велосипеды с моторчиком.

– Да?! – удивился Культя и поплёлся в вагончик. – А я думал, вы больше из рогатки по воробьям...

– Есть в этой задумке что-то рациональное, – размышлял между тем Петро, – сита на элеваторе работают по такому же принципу. И двигатель очень похож. Но в качестве электро-трамбовки его никто, кажется, не применял. Ты что трамбовать собрался?

– Гравий.

– Гравий?! А зачем его трамбовать?

– Можно песок или мелкий щебень. А на поверхность укладывать тротуарную плитку. Вот к примеру, фундамент дома... – Я взял со стола химический карандаш, обёрточную бумагу и провёл по ней тонкую линию.

– Он меня ещё будет учить, как плитку укладывать! – усмехнулся Петро. – Ты лучше сказал бы, где её взять? Чай, не Москва...

А действительно, где её взять? В то время мы, пацаны, плевали на дорожную пыль, растирали плевки гладким камешком и называли асфальтом получившуюся блестящую гладкую полосу. А другого асфальта наш городок не знал. И центр, и грузовые площадки вокруг железной дороги были выложены крупным булыжником, а двор элеватора покрыт слоем бетона. Всё остальное – грунтовка. Даже междугородние ПАЗы и ЛиАЗы были вечно покрыты облаком поднятой пыли, что делало пейзаж за окном грустным и серым. Какая уж тут тротуарная плитка! Об этом я как-то и не подумал.

– Самому можно сделать, – неуверенно вымолвил я.

– Из чего?! – Петро презрительно высморкался и посмотрел на меня уничижительным взглядом.

– Цемент марки 500, речной песок, мелкий щебень, разведённое мыло, краситель, обрезки проволоки для армирования...

– А мыло зачем?

– Для пластичности. Говорят, такой раствор не расслаивается, лучше контактирует с арматурой. С ним готовая плитка станет прочной, морозостойкой, не сотрётся и не рассыплется через год...

– Ну-ну... – Петро намеревался ещё о чём-то спросить, но тут из вагончика вышел дядя Вася Культя с дымящейся сковородкой, на которой шкворчала яичница, и с бутылкой портвейна в правом кармане штанов.

– Как будем решать вопрос? – спросил он у напарника, водружая закуску на стол, и тут же обратился ко мне: – Ты магарыч принёс?

– Только деньги, – ответил я и выложил стопочкой свой трояк.

– Где взял?

– Известное дело, в копилке. Всё равно пропадут.

– Почему пропадут?

– Старший брат приезжает скоро, – со вздохом сказал я. – Он сейчас в пионерском лагере, на Алтае. Но вчера почтальон принёс письмо для него. Девчонка какая-то пишет. Зовут Паркала Марэ. Где имя и где фамилия – поди разберись.

Рабочие рассмеялись.

– Так это же хорошо! – улыбнулся Петро. – Ещё одним мужиком прибыло на земле!

– Ничего хорошего не вижу, – парировал я. – Мне кажется, «новый мужик» быстро найдёт применение содержимому этой копилки.

– А хоть бы и так! – задорно сказал дядя Вася, собрал со стола рубли в свою искалеченную ладонь и протянул их мне. – Пойди положи на место и заруби на носу: без разрешения деда выносить из дома ничего нельзя. Особенно деньги. Даже если они твои. Ну что, Пётр Васильевич, уважим этого пацана?

– Надо уважить. Ты, Василий Кузьмич, пока яичницу жарил, самое интересное пропустил. Он ведь меня учил, как правильно делать тротуарную плитку.

– Да?! – изумился Культя. – Что-нибудь толковое говорил?

– Как по писаному! Если такие слова я услышал бы от тебя...

– Ну вот, а я ещё сомневался. Ты знаешь, – подтолкнул меня в спину Василий Кузьмич, – иди-ка домой. Не мешай работному люду отдыхать, как он привык. А железяку... мы её с дядей Петром сами тебе привезём. Вечером, как стемнеет. Чтобы никто не задавал лишних вопросов. И деньги в копилку не забудь положить!

Глава 5. Я приступаю к модернизации

Человек с годами мудреет. Однажды, во время очередного похода за пенсией, я вспомнил слова из Нагорной проповеди: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Этой молитве лет двадцать назад меня научила Екатерина Пимовна. Та самая бабушка, у которой я в детстве украл горсточку вишни. И не просто так научила, а заставила записать на тетрадном листке и выучить наизусть. Было ей, как бы не соврать, лет девяносто семь. Соседи боялись её, потому что считали колдуньей, а я иногда заходил пропустить рюмочку-другую калиновой самогонки. Вот и тогда зашёл попрощаться, поскольку собрался в Майкоп на химиотерапию. На очередной медкомиссии горе-врачи нашли у меня белокровие.

– Болеешь ты, Сашка, лечить тебя надо, – сказала бабушка Катя.

– Да вот, на неделе ложусь в клинику.

– С работы не выгнали?

– Нет ещё. Дали отпуск без содержания. Да всё извинялись, что деньгами не могут помочь. Предприятие, мол, на грани банкротства. А сами глаза отводят...

– И то хорошо. «Отче наш» знаешь?

– Какой отче наш? – не сразу понял я, не о том были мысли.

– У-у-у, милый мой! – возмутилась старушка. – Да ты, я вижу, совсем серый! А крест на груди носишь! Хороший крестик, сандаловый. Монахи такие делают в Греческой Македонии, на горе Афон. Ну-ка, садись к столу! Будешь записывать, а то не налью!

На память свою я в то время ещё не жаловался. Пару раз прочитал, отчеканил, как на духу. Только Пимовна всё равно была недовольна:

– Ты к кому обращаешься?! Ты к Отцу небесному обращаешься, здоровья у него просишь. Ну-ка, слушай, как надо, и повторяй следом за мной...

Екатерина Пимовна была очень строгим экзаменатором. И то ей не так, и это не эдак. Наверное, только раза с седьмого она снисходительно произнесла:

– Вот так давно бы. Надеюсь, Господь услышит. И в кого ты такой бестолковый?

Мы с ней выпили. Пообщались на общие темы. Закусили «чем бог послал» – пирожками с яйцом и зелёным луком. Потом баба Катя запалила лампаду и приступила к инструктажу:

– Ты, Сашка, сегодня рано спать не ложись. Сразу после полуночи пойдёшь босиком к реке, повторяя эту молитву. Три раза должен прочесть! Потом войдёшь в воду и встанешь на перекате спиной к течению...

Я представил всю эту бодягу и поскучнел. А ну как соседи увидят, подумают, рехнулся.

– Слушай сюда! – рявкнула Пимовна, ощетинившись колющим взглядом. – Соседей он испугался! Не сделаешь, как я говорю, в дом ко мне – ни ногой! Значит так: встанешь спиной к течению и зачерпнёшь воду. Не ладонями нужно зачерпывать, а как бы наоборот, этими вот местами! – Она показала на тыльную часть кистей и строго спросила: – Понял?

Я кивнул. Как не понять?

– Зачерпнёшь из реки воду, умоешься тем, что осталось, потом тихо скажи: «Что сделано мне, возьмите себе!» Три раза водичку из реки зачерпнёшь, три раза умоешься, три раза скажешь. Запомнил?

Я снова кивнул.

– Теперь самое главное. По дороге домой будет казаться, что кто-то тебя зовёт, окликает издали. Оборачиваться нельзя. Навстречу тебе попадутся два человека: старая бабка вроде меня и молодая девка. О чём бы они тебя не спросили, нужно молчать и читать про себя молитву. А как доберёшься до хаты, ни слова не говоря, сразу ложись спать.

Казалось, всё просто. Но когда бабушка Катя попросила меня повторить инструктаж, я всё время что-нибудь забывал и путался в простейших деталях. Это ей не понравилось.

– Ох, водит тебя нечистый, ох, водит! Ну ладно, я сегодня до часу под иконками посижу. Помогу тебе, неразумному. Завтра зайдёшь, заберёшь лекарство. К утру приготовлю.

Как же мне, здоровому мужику, возрастом под полтинник, было жутко и стыдно! Дослушав полуночный гимн, я вышел из дома в одних трусах и крался по ночному шоссе, стараясь держаться ближе к кювету, чтобы никто не увидел. Ступни, отвыкшие от ходьбы босиком, больно кололи мелкие камни.

Я в точности выполнил всё, что мне наказала Пимовна. Может, чуть быстрее, чем надо, умывался и читал заклинания. Уж слишком холодной была вода. Особенно страшно было на обратном пути. Меня действительно звали. И мама звала, и дед, и Витька Григорьев кричал своё «ур-р-р». Вот только старуху с молодкой я почему-то не встретил. Когда закрывал калитку, заметил на нашей дороге два движущихся силуэта. А может, это просто мне показалось.

– Ты молодчага, – сказала бабушка Катя, – вижу, помогло. Ступай, Сашка, домой, закройся на ключ и никому калитку не открывай. Особенно мне. Лекарство будешь пить натощак. По две столовых ложки перед едой. – И она всучила мне стеклянную банку с жидкостью жёлтого цвета, пахшую чесноком.

Я продержался ровно четыре дня. Из дома не выходил, даже когда закончился хлеб. В калитку ломались, стучали в окно, но я не поддался. Потом прикатили менты и тупо взломали дверь.

Серёга орал, что ему осточертели мои закидоны, что «нужно быть мужиком и не прятать, как страус, башку в песок». С порога орал. Станный он человек. Считает, что рак – это заразная болезнь. Ни к матери не подходил, ни ко мне. Хорошо хоть, дал денег. Вернее, не дал, а положил на стол. На тот самый, за которым мы с ним когда-то учили уроки.

В общем, в Майкоп меня отвезла ментовская «Нива». За рулём сидел старший следователь ГУВД Краснодарского края Серёга Журбенко, сослуживец и корефан моего брата. Был он в форме, в погонах майора. Наверное, потому в клинике посчитали, что я – арестант и допустили «к амбразуре» без очереди. А ну как карманы обчищу?

Я сунул в окошко паспорт, карточку медстрахования, медицинскую карту с результатами злополучной комиссии и направление лечащего врача. В ответ получил талончик в лабораторию для повторной сдачи анализов.

Серёгу такое положение дел очень обрадовало. Он уже было настроился убить на меня целый рабочий день. Ну ещё бы! Очередь в регистратуру здесь занимают с пяти утра, каждые полчаса ведут пересчёт, пишут номерки на руках. А мы, пять минут не прошло, раз – и в дамках!

Мне тоже понравились местные ништяки, поэтому я не особо протестовал, когда он схватил меня за руку и повёл на второй этаж, грубовато толкая на поворотах.

И снова у нас срослось. Люди безропотно расступились, и я, не успев покурить, проник в лабораторный предбанник, разделся и закатал рукава. Журбенко сел рядом и, положив руку на кобуру, стал строго следить за происходящим.

Меня обслужили как VIP-персону и даже пообещали «сделать всё как можно быстрее».

Мы спустились во двор, покурили на одной из скамеек и уже сговорились «рвануть по пивасику», но получился облом. На крыльце объявилась лабораторная тётка и пригласила нас на «ещё один повторный анализ». Что-то у них там, в машине, сломалось?

Это был уже перебор. После откачки двадцати кубиков, я и так чувствовал себя некузяво, а тут и вовсе поплыл. Меня водрузили на стул возле какого-то кабинета, где я и вырубился. В голове гремели колокола, перед глазами кружилась чёрная бездна.

Увидев, как мне хреново, Серёга рванул в аптечный киоск, запастись нашатырём. В это время я и очнулся. Пришёл в себя оттого, что кто-то из этой бездны громко и чётко назвал меня по фамилии. Я встрепенулся, как полковой конь при звуках походной трубы, и тут же

открыл глаза. Над дверью, напротив меня, мигала красная лампочка. Стало быть, вызывают. Я встал и нетвёрдой походкой вошёл в кабинет. Чернявый мужик в белом халате отшатнулся, роняя очки, и нервно сказал санитарам:

– Пусть подождёт в коридоре. Позовите сопровождающего!

Меня вежливо вытолкали. И вовремя. Серёга уже собирался подавать сигналы тревоги.

– Тебя! – сказал я ему и уселся на прежнее место.

Он вышел минут через десять. В руках – полный пакет документов, которые я отдавал в регистратуру, и какая-то бумажка с печатью.

– Ну что там? – спросил я, внутренне холодея.

– Погнали!

– Куда?

– Домой!

– Что, безнадёжен?

– Нет, годен к нестроевой.

Заметив, что я останавливаюсь, Серёга схватил меня за руку и подтолкнул к выходу.

– Ты от меня ничего не скрываешь, – сказал я, послушно семеня впереди, – готов ко всему.

Честно скажи, что врач говорил?

– Сказал, здоров.

– Бреешь!

– Пошёл на...

Мы дошли до свободной скамейки. Журбенко сел, закурил. Мне не хотелось.

– Сколько времени? – лениво процедил он и посмотрел на часы: – Ого, половина двенадцатого! Можно не торопиться. Ты сядь, почитай заключение, а я потом расскажу, о чём говорил онколог. Тебе в подробностях, или как?

– Или как, – попросил я и впился глазами в бумагу.

Буквы сливались и прыгали. Руки дрожали. Наверное, от потери крови.

– Наорал на меня врач, – флегматично сказал Серёга. – Ты что, говорит, своих подопечных пускаешь в кабинет без наручников?! Это очень опасный тип. Он подменил лабораторные образцы или кому-то дал хорошую взятку! В общем, здоров ты. Хошь верь, хошь не верь, но здоров. Ошиблась твоя медкомиссия. Надо обмыть.

И действительно, слово «здоров» в заключении было подчёркнуто красным карандашом аж дважды. Вот тебе, блин, и бабушка Катя!

Мы заехали в магазин, взяли бутылку водки и выпили её, не выходя из машины. Потом... впрочем, это совсем другая история, а тогда...

А тогда по пути в Сбербанк я вспомнил слова молитвы, которой меня научила Пимовна: «И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим». И не просто так вспомнил, а понял заложенный в них посыл и глубинный смысл.

Мы все безнадёжно должны. Должны своим дедушкам, бабушкам, матерям и отцам. За то, что лечили, кормили, одевали, воспитывали, ставили в угол и били ремнём. За то, что сделали нас людьми. За то, наконец, что мы не успели отплатить им добром за добро. Они нам на это не оставили времени, у нас подросли свои должники, которым мы всё простим.

Наверное, этот посыл заставил меня по-другому взглянуть на своё нынешнее пристанище и сформулировать кредо: если есть у тебя возможность быть ласковей и добрей – будь. Можешь чем-то помочь – помоги, не считая, что эти труды спишет иное время. Ведь что старикам надо? Похвалить бабушкин борщ, лишний раз не расстраивать деда, успеть, в меру сил, помочь по хозяйству. Да и не такие уж они старики...

Когда дядя Вася с напарником припёрли на тачке мой лист нержавеющей стали, дед уже уехал «в ночное». Бабушка думала, что это его заказ, и не протестовала. Она даже держала калитку, пока

работные люди трелевали поклажу во двор и ставили у забора за поленницей дров. Возмущался только Мухтар.

Мы сели на бревно у забора. Мужики степенно закурили, и дядя Петро, делая паузы между затяжками, сказал:

– Если бы точно знать, что эта хреновина будет работать, я сделал бы такую. И нам, и тебе... Ну ладно, бывай. Если что, заходи.

Честно скажу, это меня воодушевило.

Действующую модель виброплиты я мог соорудить хоть сейчас. Был у меня трофейный электродвигатель. Два пацана с нашего края тащили его для сдачи в металлолом, а я предложил обмен, отдав за него цокалку, поджиг и рогатку с резиной из молокодойки. Цокалку я, помнится, сделал из бронзовой трубки, бывшей когда-то соском автомобильной камеры. Из неё можно было палить не только серой от спичек, но и бездымным порохом. Пробовал, не раздувало. Поджиг был тоже надёжный, стальной, из толстостенной сверлёной трубки. Поэтому пацаны согласились.

Электрический шнур с вилкой я планировал срезать со сгоревшего утюга, который пылился на чердаке. Мне оставалось сделать эксцентрик и временное основание из толстой дубовой доски, но было уже темно. К тому же я вспомнил, что нужно успеть написать домашнее сочинение по картине Саврасова «Грачи прилетели». Сразу же испортилось настроение. Картинка была в учебнике. Общих фраз на пару страниц у меня в голове более чем достаточно. Но скрипеть перьевой ручкой! Эх, скорей бы!.. Нет, не скорей. Мне многое нужно успеть...

– Федул, что губы надул? – ехидно спросила бабушка и сама же продолжила поговорочный диалог: – «Кафтан прожёт». – «А большая дыра?» – «Один ворот остался». Пошли вечером, шибеник! Курей я уже закрыла.

После ужина я сел за уроки. А бабушка, слушая радио, штопала дырявый носок, вставив в него перегоревшую лампочку. Боже ж ты мой! Как я рад, что она жива!

Обзор последних известий порадовал новизной. Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин озвучил ответные меры в случае размещения в ФРГ американских ракет «Ланс». Канцлер ФРГ Курт Кизингер вылетел в Вашингтон для консультаций.

Гм, интересно! Lance в переводе с английского – пика, копьё. Что-то я не припомню таких американских ракет. Вот «Першинги» – это да, были на слуху. Кажется, под эти ракетные комплексы американцы запустили больше десятка военных программ. Мы на это ответили, и понеслось! Надо будет в завтрашних газетах прочитать, что там за ответные меры.

В остальном всё было как прежде. США призывали египетское руководство уважать право свободного судоходства в нейтральных водах. СССР предупредил Израиль о недопустимости агрессии против арабских стран. На орбиту запущен очередной спутник, первый из серии «Молния-1». Колхоз «Приамурье» награждён орденом Ленина. И прочая лабуда, которая даже не запоминалась. Ну и в конце новости спорта. «Селтик» стал первой британской командой, завоевавшей Кубок европейских чемпионов. В финале шотландцы обули миланский «Интер». Кажется, в прошлой жизни тоже так было. И о погоде.

Ночью я долго ворочался. Покидать этот мир почему-то уже не хотелось. Мне снился Серёга. Он стоял на пороге с моей разбитой копилкой и меня же обзывал вором. Следовательно, етить твою в кочерыжку!

А я ведь совсем забыл, как он выглядел на пороге седьмого класса, ведь мамка сожгла все фотографии. Ничего, к середине лета приедет, будет учить меня продвинутым песням.

Бен родился на юге Конго,
Там, где встаёт заря,
Там, где танцуют под звуки гонга
Негры вокруг костра.

Well, well, well, Katy,
I love you
Кто же поверит, кто же поверит негру?
Белую девушку, девушку я люблю...

Впрочем, нет. Будет учить, но, наверное, уже не меня.

Я проснулся мокрым от пота. За окном голосил петух. Было совсем светло, но гимн ещё не играл. Осторожно, чтобы не шуметь, оделся, собрал портфель и вышел во двор.

Бабушка была уже в огороде. Срезала листья свёклы и собирала их в пучок. Потом она порубит этот пучок топором, перемешает зелень с горсточкой комбикорма или молотой кукурузы и накормит этим кур. С утра до ночи в трудах. Как она говорила при жизни: «Отдохну на том свете». Наверно, наотдыхалась уже. Но всё равно надо помочь...

К приезду деда мы вместе наворотили кучу текущих дел. Завтракали всем миром – заедали горячий «кохвий» вчерашними пышками, которые напекла бабушка Паша. «Кохвий» с «какавой» готовился по одному рецепту: горсточка порошка на кастрюлю кипящего молока.

– Кто это в нашем дворе железо своё оставил? – поев, спросил дед.

– Это моё! – мгновенно ответил я.

– Твоё?! А за какие такие заслуги тебе его принесли?

– Я сказал Василию Кузьмичу, что собираюсь сделать электрическую трамбовку.

– Васька культяпый, что со смолы, вечером его притащил, – вставила слово бабушка.

– Тако-ое... добро на говно! – сморщив нос, проронил дед.

«Такое» в его устах – высшая степень презрения. Оно относилось к моей задумке.

Я ничего не сказал. Пошёл собираться в школу. Что толку сотрясать воздух, если дело даже не начато? По пути небрежно смахнул листок отрывного календаря. 25 мая, пятница. Впереди два выходных, а до «дембеля» остаётся ровно четыре дня.

Вспомнив о своём новом кредо, я протиснулся в класс перед самым звонком и плюхнулся рядом с Бабкой Филонихой. Её аж перекосило.

– Чё припёрся? – прошипела она и с размаху атаковала меня своей мощной кормой. – Пош-щёл на своё место!

Все захихикали.

Я сдержал этот натиск, упёршись ногой в соседнюю парту. Вот это трактор! Валька сейчас на целую голову выше меня и крупнее по габаритам.

– Чё припёрся? – переспросил я, глядя в раскосые зелёные очи. – Нравишься ты мне, потому и припёрся! Рядом с тобой и сидеть приятно! Симпотная, умная и простая. И на артистку похожа, не чета задаваке Печорихе!

В классе повисла мёртвая тишина. Филониха отшатнулась. Её изумлённое лицо постепенно покрывалось красными пятнами. Будто я не говорил, а хлестал её по щекам. На слове «артистка» она вздёрнула брови и упала лицом в ладони.

– Обидели деточку, – пропищал мой крёстный отец.

Я хотел погрозить ему кулаком, но не успел.

– Так!!! – прогремело из поднебесья.

Над столом чёрной грозовой тучей возвышался Илья Григорьевич.

Захлопали крышки парт. Их обитатели стремглав подскочили. Поднялся и я. Сидела только Валюха, она продолжала плакать.

– Кто?!

Директор оценил обстановку: сразу несколько классных сексотов сдали меня с потрохами. А Катька Тарасова изложила подробности в цвете: «Ах, Денисов сказал, что ему Филонова нравится! Ах, он хочет сидеть с ней за одной партой! Ах, он вообще-то на другом месте сидел! Ах, плачет она потому, что Денисов сказал, что она на артистку похожа!»

– Встань! – сказал мне Илья Григорьевич. – У тебя что, другого времени не было говорить такие слова? Ну и что, что она на артистку похожа? У нас половина девчат на артисток похожи! Потому что артист – это не только внешность, а ещё и знание жизни плюс трудолюбие. В общем, как бы там ни было, ты должен сейчас извиниться и перед Валею Филоновой, и перед всем классом. Потому что сейчас, вместо того, чтобы ставить годовые оценки, я вынужден проводить воспитательную работу.

Да и хрен с ним! От меня не убудет.

– Простите, – с трудом выдавил я, – ребята, девчата, Илья Григорьевич... и ты, Валюха, прости. – И добавил окрепшим голосом: – Только я всё равно здесь буду сидеть!

– Садись! – повеселел директор.

Проблемные дети были у него все под контролем. Это я знал по педагогическому опыту мамы. Он, наверное, и сам не раз порывался поговорить с Филоновой, но не нашёл, с какого конца к ней подступить. Ведь главный принцип учителя и врача – не навреди. А я за него вскрыл этот нарыв.

Начался урок. Оглашались результаты за четверть и за год. Тот, у кого, по мнению Небуло, оценка склонялась в сторону повышения или наоборот, вызывался к доске, на «третейский суд». И каждый из класса мог задать ему вопрос «на засыпку», лёгкость которого зависела от личного отношения.

Филониха успокоилась. Девчоночьи слёзы, что на солнце роса. Я сунул ей под локоть записку, три слова карандашом: «Пойдём завтра в кино?» Валька прочитала, подумала и написала: «Дурак». «Знаю, – ответил я, – в 11 около входа». Она отвернулась и вздёрнула нос.

– Ты чё, шизанулся? – спросил у меня Босюра, как только мы вышли на перемену. – Тебя ж пацаны засмеют!

– Нет, это я пацанов засмею, когда в понедельник Валюха войдёт в класс!

Я этот ответ ещё на уроке придумал. Славка отошёл озадаченный.

Дома я кинул к комоду портфель и, даже не пообедав, взялся за дело. Подобрал подходящий обрезок доски, углубил на шурупах шлицы и точно по центру присобачил движок. С эксцентриком не мудрил. Нашёл подходящий кусок толстой алюминиевой проволоки, накрутил витками на ротор, а оба свободных конца согнул пополам, чтобы амплитуда была не слишком большой.

Дед вернулся домой, когда я уже изолировал скрутки на проводах. Был он в сером полосатом костюме, при шляпе, ручном костыле с резиновым набалдашником и в очень дурном настроении. Я уже знал почему. Вернее, не знал, а вспомнил, увидев в авоське россыпь рентгеновских снимков. Сегодня ему урезали инвалидность. Перевели со второй группы на третью. Будто осколки, которые вращались у него вокруг мозговой оболочки, рассосались или вышли из головы вместе с потом.

Он тогда очень переживал. Рассказывал бабушке о своём диалоге с руководством комиссии ВТЭК, пряча каждый вздох под коротким наигранным смехом: «Хэх-х!» Я тогда ещё был дурачок. Мне было глубоко фиолетово всё, что рассказывал дед. И лишь через месяц понял, что ему урезали пенсию на целый двадцарик. Было шестьдесят – стало сорок.

Без меня на плечах они бы и это осилили. Куры кудахчут во дворе у сажка, картошка и кукуруза произрастают на десяти сотках, что ежегодно выделяет совхоз для бывших работников, фрукты и овощи – в огороде. А тут... стремительно взрослеющий внук, который «жрёт не абы чё», на котором горит обувь, одежда и семейный бюджет.

В общем, в дом я не стал заходить, отложил агрегат в сторону. Не в том дед сейчас настроении, чтобы чему-то радоваться. Хотел было отправиться к смоле, на разведку, но услышал бабушкин голос:

– Сашка, обедать! – Она тоже была не в себе.

Этот злосчастный день я хорошо помню. Было так: не доев тарелку борща, дед сильно закашлялся, откинулся к белой стене и медленно сполз со стула. Так и лежал, неловко поджав под себя ноги, большой и беспомощный. Я со своего места видел только бабушкины глаза. Они наполнялись слезами.

– Степан! – закричала она. – Степан!!!

Через пару минут дед тяжело заворочался на полу, хрипло спросил «что?» и хохотнул, натянуто и натужно. В этом коротком смешке я тогда ещё ощутил потрясение человека, который сорвался в бездну. Мне тоже не раз доводилось, как выражаются в послеоперационных палатах, «уйти». Как же мерзко я себя чувствовал после каждого такого полёта! Метался по горячей кровати, не находя себе места, и умолял деловито хлопотавших врачей: «Уйдите, не мешайте мне умереть!»

Дед в этом плане был крутым мужиком. Он не только поднялся и уселся на стул, но заставил себя доесть всё, что осталось в его тарелке. Бог ты мой! Как же он любил мою бабушку! Как же она потом жила без него?!

Если мерить рамками прошлого, жить ему остаётся чуть больше пяти лет. В этом огромном теле уже начинаются необратимые изменения, которые пока не видны. В отличие от меня дед так и не смог справиться с раком, а ведь бабушка Катя живёт по-прежнему рядом. Нет, надо ломать эту вероятность, отвлечь стариков от тяжёлых дум, и начинать прямо сейчас.

– Дедушка, – сказал я самым просительным тоном, – можно мне рубль из копилки взять?

Он отложил в сторону ложку:

– Зачем?

– Девчонку одну в кино пригласил, завтра в одиннадцать...

И я рассказал о Бабке Филонихе, о её закидонах с одеждой по причине неартистической внешности, о том, что случилось сегодня в классе. По мере повествования настроение у моих стариков несколько поднялось.

– От сучка! – смеясь, возмутилась бабушка. – Как же она крутит матерью и отцом! Спасибо сказала бы за то, что родили на свет. Вожжами надо её учить, а не в кино приглашать!

– Хорошее дело, – одобрил дед, – рубль я тебе и сам дам, только об уроках не забывай...

И что ты там за чертовину смастерил?

– Вечером покажу.

Этот обед закончился без эксцессов. Дед, кряхтя, полез на кровать:

– Ты мне, Елена Акимовна, банки поставила бы. Продуло сегодня ночью, ноет в боку...

Я мысленно перекрестился и, убрав агрегат в сарай, направился к Пимовне.

Справа от деревянной калитки грел свой бетонный бок круглый колодец. Я встал на железную крышку и заглянул во двор.

Вертялая собачонка выпрыгнула из будки и залилась лаем. Бабушка Катя в то время ещё работала продавщицей в мясном отделе, но сегодня она была дома и, сидя на низком крыльчке, кормила цыплят подсушенной пшёнкой кашей.

– Пуль-пуль-пуль! Пули-пули-пули! – повторяла она.

Так в наших краях подзывают кур. Литературное «цып-цып-цып» не прижилось.

Мне почему-то казалось, что ей не составит труда увидеть во мне «новопреставленного» во временном своём воплощении, а нет. Пимовна скользнула по мне не узнающим взглядом, вытерла руки о фартук и беззлобно прикрикнула на собачонку:

– В будку пошёл, зараза!

– День добрый, бабушка Катя! – поздоровался я.

– Что тебе, Сашка? – устало спросила она. – Давай говори, выварка на огне вот-вот закипит...

Пришлось начинать без предисловий:

– Мне нужен рецепт лечения рака.

Брови у бабушки Кати удивлённо приподнялись:

– Это ещё зачем?

– Дедушка у меня заболел, или вот-вот заболеет.

– Типун на язык! – с чувством сказала Пимовна. – Смотри накаркаешь! Приснилось тебе али как?

– Нет, – говорю, – не приснилось. Просто вижу, когда беру в руки «Земляничное» мыло. Так будет пахнуть дедушка, когда он умрёт. Я приеду за час до похорон и его не узнаю. Гроб будет стоять в большой комнате у окна...

– А ну-ка, пошли в хату!

Бабушка Катя схватила меня за руку и потащила во двор. По пути она сняла с огня закипевшую выварку, ошпарила руку брызгами кипятка и коротко матюгнулась.

В стандартной саманной хате ничего по большому счёту не изменилось со времени моего последнего посещения. Только не было холодильника (тогда ни у кого не было холодильников) да не стояла в углу, за легкой перегородкой, походная койка Василия Ивановича Шевелёва – героя-артиллериста, с которым лет через пять Пимовна будет сожительствовать.

– Садись, Сашка, к столу, – строго сказала она и откинула полотенце с широкого блюда, – ешь пирожки. Сейчас я тебе молока стаканчик налью...

– Мне бы рецепт...

– Ешь!

Молоко было с лёгкой кислинкой, а пирожки... я сразу узнал их фирменный вкус. У каждой хозяйки свои заморочки и маленькие секреты. Даже Прасковья Акимовна, родная сестра моей бабушки, была в кулинарном плане её антиподом. В домашней готовке она налегала на сдобную выпечку и супы, картошка и мясо подавались на стол в жареном виде, а «хворост» всегда получался сухим и ломким. Казалось бы, одна школа, но разные направления. Елена Акимовна часами корпела над кастрюлей с борщом. Картошка толчёнка была, хоть на хлеб намазывай, сама по себе вкусная. Помнится, она добавляла в небольшую кастрюльку три яичных желтка, стакан молока и добрый кусок масла...

– И давно ты стал видеть... такое? – спросила бабушка Катя.

– Пять дней назад, – честно признался я.

– «Отче наш» ты, конечно, не знаешь...

– Почему не знаю? Очень даже хорошо знаю!

– Да ну? – удивилась Пимовна. – Может, расскажешь?

Последний вопрос она задала со скрытым сарказмом. Ну кто поверит, что в нашей стране, где атеизм считался чуть ли не официальной религией, в голову советского школьника смогут проникнуть слова из Нагорной проповеди?

В общем, я её скорее напугал, чем удивил. Прочёл эту молитву так, как когда-то учила она. С теми же паузами, интонациями и ключевыми словами. Даже катрен о хлебе произнёс на её манер: «надсущный», а не «насущный». Бабушка Катя сидела, бледнея, а услышав это слово, встала, зажгла лампадку и трижды перекрестилась.

– Кто ж тебя этому научил? – сурово спросила она.

Пришлось врать:

– Вы научили. Этой ночью мне снилось, что я приходил к вам за лекарством. А вы мне сказали, что пока я не выучу молитву, дедушке оно не поможет.

– Дала хоть?

– Дали. Литровую банку, накрытую крышкой. А в ней жёлтая маслянистая жидкость с запахом чеснока.

– Это другое лекарство, – отмахнулась бабушка Катя. – Оно помогает от наведённой порчи, а я тебе сейчас приготовлю что-нибудь посерьёзнее. Когда в твоих видениях Степан Александрович помер?

– Через пять лет и четыре месяца. От рака лёгких.

– Значит, точно поможет.

Пимовна захлопотала у печки. Ссыпала в банку с калиновой самогонкой какие-то снадобья, добавила настойки из квадратных бутылок с чёрным стеклом.

– А обо мне... в своих снах... ты ничего больше не видел? – спросила она между делом.

– Оно вам надо, бабушка Катя? – чуть не взмолился я. – Какой интерес жить, если знаешь, когда умрешь?

– Та-а-ак! – протянула она и под села к столу. – Ну-ка, давай рассказывай, а то не будет тебе никакого лекарства!

Я впервые взглянул прямо в её глаза и произнёс, чеканя каждое слово:

– Вы неделю не доживёте до полных ста лет. Если хотите, всё расскажу в подробностях, кто вас обнаружил, кто в дом заносил, кто глаза закрывал...

– Значит, я не в доме умру?

– Вы, бабушка Катя, приготовитесь гнать самогон в летней кухне. А заодно затеете стирку, чтобы кипяток из выварки со змеевиком зря не пропал. И наверное, забудете спички. Пойдёте за ними в дом, а по дороге умрёте. Будете лежать на спине и удивлённо смотреть в небо. Куры столпятся у вашего тела, как цыплята вокруг наседки, но ни одна из них...

– Спасибо тебе, Сашка, – перебила меня Пимовна, – сто лет – это много, столько мне и не надо. А теперь скажи честно, откуда ты знаешь, когда у меня день рождения?

– 1 января 1912 года? Так будет написано на кресте...

Глава 6. Первые сдвиги

По дороге домой я обследовал содержимое банки и даже попробовал на язык. Зелье пахло степным покосом и по цвету напоминало «мужика с топором». Только градус намного солидней. От одной капли во рту у меня запекло, а в желудке зажглась лампочка. Нет, от такого лекарства ни один мужик не откажется!

– Где взял? – строго спросила бабушка, лишь только я водрузил банку на стол.

– У Пимовны. Я розетку ей починил. Это для бабушки, чтобы бок у него не болел. Столовая ложка из банки плюс стакан молока. Пить натошак. Как он?

– Да спит ещё. Ты уж там не греми железяками, пусть как следует отдохнёт.

Я сбегал к почтовому ящику, достал свежую прессу. Ответным мерам СССР на размещение в ФРГ американских ракет «Ланс» там уделялось всего несколько строк. Суть сводилась к переукомплектованию ракетного арсенала, дислоцированного в Восточной Европе. Морально устаревшие «СС-4» и «СС-5» будут заменены на более новые. Ну, это уже что-то.

На смоле под погрузкой стояли четыре машины. Казалось бы, пятница – ан нет, все что-то в нашем городе строят. Я же доставал из колодца утонувшие ведра и думал о завтрашнем дне. Угостить Бабу Филонику пломбиром за 18 копеек или ей жирно будет? С одной стороны, моряк, пусть и бывший, должен держать марку, а с другой? Сорок рублей пенсии на троих. Можно, конечно, прожить, если без шоковой терапии, но экономить надо. Да и шиковать я привык только на свои.

Перед смертью, говорят, не надышишься. За оставшиеся четыре дня столько надо успеть, что голова кругом! Тем не менее в эту минуту мне хотелось пришпорить время. Пусть или дед скорее проснётся, или очередь за смолой рассосётся сама собой.

Чтобы хоть чем-то занять себя и оказаться поближе к центру событий, я решил подпушить на островке картошку. С момента моего появления в прошлом с неба не упало ни капли дождя, и почва в рядках покрылась плотной коркой. Я взял бабушкину тяпку, перекинул через протоку сходню и взялся за дело.

Плескалась река, журчала на перекатах. Радужные крылья стрекоз трепетали в зарослях ивняка. На песчаную отмель зачем-то садились пчёлы. Всё казалось незыблемым, настоящим. Так было, так есть и так будет всегда.

Тяпка была немного тяжеловатой, но я ещё в детстве умел работать с обеих рук, поэтому почти не устал. Мне оставалось пройти всего четыре рядка. Я настолько увлёкся, что не сразу расслышал, как кто-то меня окликает.

– Привет, говорю, Кулибин!

Это были мужики со смолы. Войдя по колено в воду, они смывали пот и потёки грязи метрах в трёх от меня.

– И вам не хворать! – поздоровался я, пряча тяпку между рядков.

– Что не заходишь? – спросил дядька Петро. – Плитку делать ещё не передумал?

Нет, кое в чём я всё-таки изменился в худшую сторону. Куда-то исчезла сдержанная немногословность солидного человека. Сквозь поры моей души проступил хвастливый пацан. Я выложил в подробностях всё о действующей модели электротрамбовки: где взял, что сделал, как подключил. Не упустил даже, что бабушка спит и поэтому я её ещё не успел испытать.

– Неси, – прервал мои словеса Василий Кузьмич, – покумекаем вместе.

Я пулей понёсся к сараю, забыв о ещё не окученной картошке.

Бабушка стояла возле колодца, разговаривала с сестрой. Она ловко перехватила меня на ходу, заправила рубашку в штаны и строго спросила:

– Ты тяпку мою не видел?

– Там она, на островке, – скороговоркой выпалил я, пританцовывая от нетерпения.

– Пойди принеси!

В общем, когда я пришёл к сторожке, мужики уже переоделись и готовились принять на грудь. Варёные яйца, сало, чёрный хлеб и молодой чеснок были разложены по тарелкам. В ведре с холодной водой ожидали звёздной минуты две бутылки портвейна по рубль семнадцать.

Сейчас так не пьют. Вернее, не сейчас, а... ну, в общем, вы поняли. На те же рубль семнадцать можно было нажраться вусмерть. Бутылка хорошего самогона стоила пятьдесят копеек, домашнее вино – максимум тридцать. Да только статус рабочего человека не позволял мелочиться. Пили покупное вино не для того, чтобы покуражиться или пустить пыль кому-то в глаза, а просто из самоуважения. И поило было другим, и люди.

– А вот и Кулибин, – констатировал дядя Вася, – быстро же ты! Правда, что ли, собрал? Ну-ка, Василич, тащи переноску. Сейчас испытаем – будет чего обмыть.

Петро отложил в сторону нож, которым очищал от соли шмат сала, вытер его о газету и осмотрел конструкцию.

– Шурупы могут не выдержать, – сказал он с сомнением и придавил комара. – Это у тебя что, эксцентрик такой? Сорвёт к чёртовой матери! Ты его эпоксидкой залил бы, что ли.

Ворча и почёсываясь, он проверил соединение и стал выбирать место, которое можно утрамбовать. Вся грузовая площадка была залита смолой, и единственный кусочек сравнительно чистой земли, до которого дотянулась его переноска, был под чумазой, приземистой яблонькой.

Мой аппарат затрещал и стал деловито постукивать. На поверхности почвы проступила лужица влаги.

– Ни хрена себе! – удивился Кулья. – Это сколько же надо ручной трамбовкой землю охаживать, чтобы дойти до воды!

– Слабовато! – сказал Петро и стал сматывать провода. – Бут под фундамент эта хреновина ни за что не протопчет, посади ты её хоть на чугун. Сантиметров пятнадцать песка – это да, в самый раз. Но Кулибин всё равно молодец. Ты свой вчерашний чертёж ещё не скурил? – повернулся он в мою сторону и весело подмигнул.

– Нет, – пропищал я.

– Вот и отлично. Тащи его скорее сюда.

Я вернулся через пару минут. Протянул тетрадный листок с эскизом и чертежами. Пётр Васильевич внимательно его осмотрел, будто раньше не видел, кое-что уточнил:

– Это что за хреновины в месте крепления ручки?

– Сайлентблоки от «москвича». Ну, втулки такие, резиновые, чтоб не сушило руки.

– А колёса зачем?

– С места на место переезжать.

– Лишнее... колёса здесь не нужны. Они усложняют конструкцию и будут ломаться в первую очередь. Проще плиту с двух сторон закруглить.

– Можно и так, – согласился я.

– Нет, ты видишь, Кузьмич, – вдруг засмеялся Петро, – какой толковый пацан? «Можно и так», говорит!

Что-то, наверное, с этой фразой было у них связано.

Мужики беззлобно захохотали. В другое время я обиделся бы и ушёл. Сейчас же терпеливо ждал, хотя, честно сказать, не знал, куда себя деть. Сам виноват. Нужно было им отвечать с поправкой на возраст.

Вечерело. Шальной ветерок бережно перебирал гроздь зелёной глючины⁹. На деревянном столбе истошно орала горлица: «Че-куш-ку! Че-куш-ку!»

Увидев, что я заскучал, дядя Вася тряхнул меня за плечо:

⁹ Глючина (*местн.*) – гледичия: листопадное дерево с ажурной кроной, иногда её называют американской акацией.

– Не обижайся, Кулибин. Просто Семён Михайлович, начальник грузового участка, тоже всегда говорит «можно и так».

– Надумаешь делать плитку, – отсмеявшись, сказал Петро, – о мыле забудь. Это дело такое: с концентрацией не угадаешь – всё прахом пойдёт. Немцы в таких случаях добавляют в раствор кровь. Специально привозят с бойни. Так что, будет бабка цыплёнка рубать, ты не зевай. На наше оцинкованное ведро – четыре-пять капель. И не надо армировать.

Я ушёл с пустыми руками. Трамбовку с эскизом Пётр Васильевич придержал у себя. Сказал, «надо мараковать». Я не мог предсказать его дальнейшие планы. Для меня этот человек был загадкой. Память о детстве хранит многое, а он почему-то в ней не удержался. Наверное, близко не сталкивались. Не было в нём ни ярких примет, ни внешней харизмы. Не привлёк он мальчишеского внимания.

Бабушка ковырялась на островке. Сквозь заросли ивняка мелькал её белый платок. Я вброд перешёл через речушку, на всякий случай спросил:

– Ба, а дядя Петя, он кто? Почему я его раньше не замечал?

– Петька-то? Оттого и не замечал, что он из Москвы недавно вернулся. На заработки ездил, за длинным рублём. Это кум Василия Кузьмича. Он на смоле давно, но больше наездами.

Бабушка уже подпушила оставшиеся четыре рядка и теперь собирала в кучку срезанные мной кустики молочая. Это, конечно, сорняк, но куры любят его до драки. Больше, чем коты валерьянку.

Я хотел ещё что-то спросить, но бабушка перебила:

– Иди, там тебе дед приготовил работу.

Во дворе меня ожидали два ведра кукурузы в початках и четыре снопа проса. Ну да, впереди воскресенье, базарный день. Деду нужно успеть навязать веников. Сам он сидел у входа в сарай и готовил лозу. Каждый побег вербы нужно расщепить надвое, выбрать ножом сердцевину и запарить в ведре с кипятком. Только тогда вязки на ручках обретут благородный коричневый цвет, а сам веник будет похож на тот, что рисуют художники в своих иллюстрациях к сказкам.

Я в таких случаях не заморачивался. Провязывал ручку белой полипропиленовой нитью. Вид, понятное дело, не тот, но на качестве это не сказывалось. Главное – скорость. Вязать приходилось в количествах, приближенных к промышленным. Семь КамАЗов сырья с гектара – это вам не хухры-мухры.

Была у меня приспособа и для очистки семян с веничья – полый большой барабан с наваренными на поверхность гвоздями, кусками прутка и прочим железным хламом, сидящими на электрическом двигателе. Я включал его в сеть, семена, под своей тяжестью, ложились на барабан и, соприкасаясь с ребристой поверхностью, разлетались в разные стороны. К концу рабочего дня по двору было трудно ходить. Ноги вязли в густом красно-коричневом слое. Вечером приезжал знакомый мужик и выгребал всё под метёлку. Он разводил бройлеров в подвале своего дома и тоже «ковал железо, пока горячо» – вдруг, передумаю? Ведь никто, кроме меня, не дал бы ему и ведра бесплатного корма.

Дед работал ещё по старинке: в основе – железная полоса из проволоки-катанки, на брезентовом ремешке – деревянная ручка с пробитой понизу точно такой же проволокой. Вставил в раскрытый зев пару метёлок, придавил, потянул на себя.

Я делал эту тупую работу и вспоминал о будущем. Был в моей жизни долгий период, когда только веники и помогли выжить.

Лет через тридцать пять меня научит этому ремеслу дедушка Ваня, мой родственник и сосед, после смерти бабушки Паши оставшийся бобылём. На зиму он уезжал к дочери в Сочи. Запирал изнутри все двери, прыгал через забор – и на вокзал. И в восемьдесят лет пры-

гал, и в девяносто, и в девяносто пять. Возвращался он в конце марта. Забирал у меня своего Шарика, помесь дворняжки с болонкой, и начинал зарабатывать деньги. Кормился от земли. Для начала выкапывал в огороде луковицы тюльпанов, собирал в пучки молодой укроп, доставал с чердака пару веников прошлогоднего урожая, грузил в тачку и отвозил на базар. Случая не было, чтобы не продал. Там тоже не зевал. Увидит косу без ручки, купит за пять рублей, дома «сгандыбачит» косьё, на следующий день продаст за червонец. Что только ни выпускала его домашняя мастерская! Ручки для топоров и напильников, приспособы для кос и граблей, кисточки разных модификаций для побелки и для покраски, посылочные ящики из фанеры, веники, растительное масло.

Ну да, вы не ослышались, растительное масло. Водил дедушка Ваня дружбу с директором маслозавода и ежегодно в качестве благотворительной помощи ветеранам войны получал от него машину отходов – шелухи от семечек. Ко двору подъезжал самосвал, мечта оккупанта, и вываливал кучу добра возле его калитки. Не ему одному привозил, а всем ветеранам и работникам МЭЗа, имевшим приусадебные участки. Это идеальное, экологически чистое удобрение. Разбрасаешь слоем по огороду, за зиму отходы перегниют, и земля обретает плодородие целины.

Получали-то помощь многие, но не каждый имел хозяйскую жилку. Иван Прокопьевич лучше других знал, что наряду с шелухой, мелкими камешками, кусочками листвы и будыльёв конвейер отбраковывает и сросшиеся между собой «обоймы» из крупных семечек. Он пропускал сырьё через несколько разнокалиберных сит, провеивал его на ветру и добывал в итоге два с половиной мешка полноценных ядрёных семечек. Потом он сдавал добычу на частную маслобойню в обмен на молочную флягу ароматного масла и полмешка жирной макухи. Какую-то часть хабара дед оставлял себе, остальное шло на продажу.

С неё, с этой странной дружбы пенсионера с директором крупного предприятия, и началась моя смычка с землёй.

Была мечта у Ивана Прокопьевича – посадить гектар веников. Он лелеял её все девяносто семь с половиной лет, что были ему отпущены на грешной земле. Не срослось у него. Не было в те времена столько бесхозных земель. И решил он тогда хоть посмотреть, как выглядит этот гектар со стороны. Уболтал, короче, дедушка Ваня директора МЭЗа на авантюру. Посидел тот с карандашом, прикинул все риски, возможную выгоду и сдался.

Из-под каждой колонки цифр пёрла рентабельность.

С деньгами у меня было в то время никак, хотя пахал я на трёх работах. Газета была на грани банкротства. Учредитель изъяснял денежки за подписку и приказал долго жить. Приходилось мотаться по городу, но в поисках не материала, а спонсоров. На телевидении денег почти не платили, как, впрочем, и в управлении культуры. Ничего, кроме престижа, мои должности не приносили. Я уже начал подумывать, не вернуться ли мне к ремонту автомобилей, но вечером пришёл дед Иван и потребовал помощи. Мол, надо вязать веники. Он никогда ничего не просил. Всегда говорил «надо!».

– Я ж не умею, дедушка Ваня!

– Ничего, учиться будешь. Я покажу. Дело срочное, каждый день на счету.

Надо так надо. Плюнул я на производственные дела, мы сели на велосипеды и где-то к семи утра были на территории МЭЗа. Там уже собралось несколько вольных старателей, выбирали удобное место, прилаживали станки. Мы с дедом расположились около тракторной тележки, сходили в гараж за сырьём, принесли по охапке.

– Вязать будем до обеда, – сказал мой наставник, – четыре веника в склад, пятый – наш. Поэтому работаем быстро. Смотри и запоминай: прутья нужно ровнять в ладони. Сначала клади мелочь, около семи штук, потом обложи их по кругу крупной метёлкой. Заготовка будет готова, если метущую часть уже невозможно удерживать в жмене. Передавай её мне, понял?

И дело пошло почти без простоев. Нет, лично я мог позволить себе выкурить сигаретку-другую, но на общем процессе это не сказывалось. Пока набирался третий пучок, дед Иван надрезал с одной стороны первые два, соединил их между собой и начал формировать ручку.

Станок для вязания веников представляет собой длинный кусок сыромятной кожи с деревянной педалью внизу. Обхватил заготовку петлёй – ногой придавил – провязал. В принципе, ничего сложного, если иметь в руках и ногах чувство меры. Ну и кроме того, есть в каждом ремесле свои подводные камни. Их постигаешь только в рабочем процессе, исподволь. Ручка должна быть удобной в обхвате, но сгонять её толщину нужно не пожарными темпами, а ступенчато, поэтапно, с присутствием головного мозга, удаляя из будущей середины не более трёх прутков. Вязка должна не врезаться в ручку, не болтаться на ней, а надёжно обхватывать и даже слегка пружинить. Идеальный вариант для неё – ивовый прут. Но если работаешь на хозяина, это уже извращение. Всё остальное для избранных. Веник нужно запарить, замочить в солёной воде, чтобы гнулся на круг с любой стороны и служил не недели, а годы.

Всё это я освоил потом, а тогда, в первый рабочий день, всего лишь нахватался верхушек. – Хватит! – сказал дед, когда я набрал очередную жменю сырья. – Теперь становись на вязку, а я начну прошивать.

Он, как оказалось, не только работал, но и вёл точный подсчёт, что уже сделано. А если копнуть глубже, воплощал в жизнь норматив, просчитанный им заранее, с учётом производственной мощности нашей бригады. Даже запасная игла и вторые ручные тисочки нашлись в его брезентовой сумке. И я, когда довязал и обрезал последнюю ручку, тоже сел за прошивку.

Дед всё рассчитал правильно. За пятнадцать минут до обеда мы предъявили кладовщику ровно полсотни веников. Сорок из них отдали ему, остальные забрали домой.

Работы на МЭЗе хватило на пять дней. Мы брали свою норму и уходили. Остальные бригады вязали до вечера, поэтому сырьё так быстро и закончилось.

Я, честно сказать, на оплату труда не претендовал. Какие могут быть деньги за помощь? Но вечером воскресного дня снова пришёл дед и сказал, что надо вязать, что материал «тяжёлый» и один он не справится. Прощаясь, спросил:

– Тебе деньги сейчас или потом, кучей?

Да сколько там, думаю, этих денег! Сказал, что потом.

В понедельник с утра я отметил на своих работах, выслушал несколько невыразительных «фэ», получил триста рублей суммарной зарплаты, а когда вернулся домой, не смог подойти ко двору. От калитки до владений деда Ивана всё пространство было забито развалами веничья. Его даже не собрали в снопы, потому что это был неликвид, сырьё, от которого отказались вязальщики. То, что обычно называют метёлками, было самых уродливых форм – скручено, вывернуто, заломлено. Глядя на мою унылую рожу, дед успокоил:

– Тут делов-то на один чих! Кое-что придётся замачивать. Остальное запахаем силком!

В общем, сладили мы и с этой напастью. Вот тогда-то я и постиг изнутри высшее мастерство. На мой просвещённый взгляд, веники получились не очень красивыми, но зато не мели, а пели.

Дней через пять Иван Прокопьевич притащил деньги. Их было много, целых две с половиной тысячи. Насладившись моим изумлением, он убил меня наповал:

– Остальные отдадут завтра. Вечером принесу.

В общем, за неполные две недели моей помощи деду я получил больше, чем за год пахоты на трёх уважаемых должностях.

Можно было ехать за матерью.

Её увезли в «психушку» две недели назад. Я в это время находился в командировке, освещал ход демократических выборов в одной из отдалённых станиц. Мамка упёрла на островок телевизор и холодильник, стулья и стол, обложила всё это своей одеждой, облила соляжкой

и запалила. Что там рвануло, не знаю. То ли кинескоп в телевизоре, то ли фреон в холодильнике. Слава богу, она к тому времени ушла с островка, отлучилась за новой порцией горючего материала. Когда её «накрывало», а это случалось осенью и весной, в период беспрестанных дождей, в неё вселялась такая силища, что просто диву даёшься.

Кто-то из соседей позвонил брату. Тот прислал на место событий «скорую помощь» с нарядом милиции, и мамку определили в закрытый стационар станицы Удобной, больше напоминавший тюрьму.

Я приехал туда с Серёгой Журбенко, на тогда ещё новенькой «Ниве». «Заключённые» гуляли по двору, окружённому сеткой-рабицей метров пяти высотой. Все были в казённых пижамах мышинового цвета. Какая-то лихая бабуся, по виду «смотрящая», сначала стрельнула у меня закурить, а потом выцыганила всю пачку.

Минут через десять вывели мать. Она была потухшая и худая, стрижена налысо. В глазах застыло смирение и покорность. И тогда я поклялся себе: что бы ни случилось, какие бы колёнца она не выкидывала, ни в какой «лечебный» стационар я больше её не отдам.

На придорожном рынке я купил ей конфет, пирожков и сладкой воды. Она ела и плакала, а я думал, что за матерью нужен постоянный пригляд, что с моей собачьей работой я всё реже бываю дома, что веники, если сеять их не меньше гектара, позволят убить сразу двух зайцев. В идеале было бы привести в дом нормальную бабу. Да только какая же нормальная согласится войти в дом, где живёт такая свекровь?

В конце октября дедушка Ваня стал усиленно продавать свою половину дома. Он делал это и раньше, чисто из спортивного интереса, чтобы поторговаться. А тут... дело дошло до серьёзного. Из Сочи приехала тётя Лида. Я, как «первый покупатель», был поставлен в известность, что дом будет вроде как продан, что здесь будет жить младшая сестра её мужа. В смысле, что деньги поступят на счёт, но для широкой общественности она ничего не купила, а будет типа присматривать за дедом.

Никаких претензий, ни финансовых, ни моральных, я не имел.

Той же зимой прикатила из Казахстана фифа в тёмных очках, вдова профессора и бывший директор ювелирного магазина. При знакомстве со мной с её «фамильного» носа упали очки:

– Да?! Это наш родственник?!

Это была кулёма чистой воды. Всю зиму она занималась фижнёй: резала на тонкие полосы рулон туалетной бумаги, а потом через равные промежутки наклеивала на них семена моркови. Завела себе большую собаку, породистого кавказца. Держала его на привязи, не выводила гулять и каждый день била за то, что он «срёт во дворе». Когда пёс первый раз огрызнулся, наняла соседских бомжей, и они закололи его на мясо. В огороде и в комнатах развела такой бардак, что муж тёти Лиды, родной её брат, приехавший навестить сестру, предпочёл ночевать в машине.

Когда по весне дед Иван приехал из Сочи, то конкретно забастовал:

– Нет! В этом доме я жить не буду!

Пришлось тёте Лиде покупать ему весёлую аккуратную хатку в одной из окрестных станиц. К хатке прилагался огромный, по нашим меркам, участок земли. Старик снова расцвёл и постепенно довёл свои плантации сорго до половины гектара. Как у него было со сбытом, я не знаю. Но рынок и в Африке рынок, а никто лучше деда Ивана не умел договариваться.

Пару раз он приезжал ко мне, такой же порывистый, сухой, поджарый. В свою половину даже не заходил. Сидел на кухне, пил чай, придирчиво рассматривал веники, произведённые мной, делал мелкие замечания.

– Эх, пожить бы ещё! – говорил он, прощаясь. – Интересно было бы узнать, чем всё это дело закончится.

Под «всем этим делом» он имел в виду нашу страну.

Страшная цифра 100, к которой он подбирался вплотную, убивала его морально. Он готовился к ней, как к рубикону, через который не перешагнуть. На мой беспристрастный взгляд, с его образом жизни лет двадцать сверх нормы он запросто протянул бы. И убила его не смерть, а постоянные мысли о ней. Это случилось, когда дал дружные всходы мой первый личный гектар...

* * *

Я чистил дедово веничье и произвольно раскладывал его на три кучки: мелочь, средний размер, крупняк. Сырьё было так себе. Всё лучшее выбрано ещё осенью, когда покупателю есть из чего выбирать. Сейчас же и это полетит по рублю. До нового урожая ещё далеко. Товар деда Степана тоже никогда не залёживался, хотя бывал он на рынке редко, исключительно с вениками. Это у меня были вечные проблемы со сбытом. Сдавал одному барыге за полцены. Зато оптом, в любое время и без пропарки...

До ужина я успел выполнить поручение. Кукуруза была порушена, перемолота ручной мельницей и высыпана в ведро. Рабочее место подметено.

Дед вынул из кошелька мятый рубль, добавил немного мелочи:

– На, купишь невесте мороженое.

За столом бабушка не могла нахвалиться, «какая я» у неё «вумница» и как хорошо подпушил картошку. Дед молчал и довольно хмыкал. А мне почему-то подумалось, что тому, кто придёт на моё место, будет несладко. Слишком уж высоко я задрал для него планку.

Работа по дому не заканчивалась никогда. Из неё вычленилось самое неотложное, остальное переносилось на завтра. Дел ещё было много: полить огород, опрыскать виноград от вредителей, прополоть наш участок «в поле», где после минувших дождей всё заросло осотом, сурепкой и ползучим пыреем, ещё – навязать веников, вывезти их на базар, продать, если повезёт. И это с учётом того, что завтра к одиннадцати я собираюсь в кино, а в воскресенье с утра у деда дневная смена. Нужно просить отгул.

Текущие планы всегда обсуждались за чаем. Справедливости ради стоит сказать, что меня, как работника, в расчёт не брали. В нашем небольшом коллективе я в то время считался отстающим звеном. «В поле» меня брали скорей чтобы я был на глазах и вовремя пообедал. Дед обрабатывал три рядка за прогон, бабушка – два, а я и с одним не управлялся. В сорняках совершенно не разбирался. Поминутно спрашивал, что рубить, а что оставлять. А когда припекало солнце, начинал потеть и чесаться. Через каждые двадцать минут ходил к роднику за водой, которую сам же и выпивал.

На домашних «летучках» я обычно молчал. Поэтому дед несказанно удивился, услышав моё предложение:

– А давай мы сейчас с бабушкой начнём поливать огород, а ты – опрыскивать виноград. Я буду перетаскивать шланги, качать для тебя насос. Глядишь, до темноты и управимся.

Наверное, мои старики разобрались бы и «без сопливых». Во всяком случае, огород точно полили бы. Но что-то заставило их поверить в этот порыв, искреннее желание помочь.

Я летал как на крыльях, старался поспеть везде. Прыгал на насос всем телом, пока ручка не начинала держать меня на весу. Сколько во мне сейчас? Килограммов тридцать пять? Ничего, подрастём. Скоро приедет мама и будущей весной отвезёт меня в Армавир вырезать гланды. Я сразу пойду в рост и быстренько наверстаю упущенное. А уже к середине лета на моё плечо ляжет первый мешок цемента.

Когда мы пошабашили, было ещё светло. Из потаённых мест вылетели летучие мыши. Напоенная почва делилась с ними прохладой. Я проложил шланг к молодой раскидистой груше. Деревце встрепенулось и откликнулось благодарною дрожью.

Глава 7. Бес в ребро

Без десяти одиннадцать я подошёл к единственному в городе кинотеатру «Родина». Стоял он, как и положено в наших краях, на улице Красной. Клубов, домов культуры, где тоже крутили фильмы, было у нас навалом. А вот кинотеатр всего один. «В кино» приглашали только сюда.

Его сожгут в конце девяностых два брата, два лихих бизнесмена, чтобы освободить ходовое место для своего киоска «Табак». Только где-то в их бизнес-плане случится просчёт. Обоих завалит потом из охотничьего ружья бывший муж их младшей сестры, которого оскорблённые братья старательно сживали со света. Он сделает это прилюдно, в разгар торгового дня на Центральном продовольственном рынке, умудрившись больше ни в кого не попасть. Блаженны те, кто не знает свою судьбу.

Долго ещё будут мозолить глаз закопчённые стены, стыдливо задрапированные рекламой. Потом их снесут и на скорбном месте разобьют нечто вроде садика-дзен, а читатели нашей газеты всё ещё будут задаваться вопросом: «Когда восстановят кинотеатр?» Пришлось отвечать, что когда будет восстановлена наша родина, будет восстановлен и кинотеатр с одноимённым названием.

Примерно в это же время, но в прошлой своей жизни я тоже ходил в кино. Только купил один билет, а не два. Фильм был тот же самый – «Неуловимые мстители». Даже фотки рекламного стенда не отличались от оригинала. Яшка-цыган с ножом в позе завязанного бандюка. Я тогда, помнится, думал, что это отрицательный персонаж.

Сеанс был в одиннадцать десять. В то, что Валька не опоздает, мне почему-то не верилось. Время текло лениво, карало предполуденным зноем. Потенциальные зрители спасались от жары под матерчатými навесами, раскинутыми в месте постоянной стоянки большой жёлтой бочки-прицепа с лаконичной надписью «Пиво». К своему удивлению, я увидел там Петра со смолы в компании какого-то невзрачного работяги. Они деловито сдували пену из рифлённых стеклянных кружек и о чём-то оживленно беседовали. Дядя Петя выглядел боссом. Он был в бежевых наглаженных брюках и белой рубашке навыпуск.

По другую сторону бочки смаковала своё пиво дурочка Рая – наша местная достопримечательность, тогда ещё моложавая тётка с габаритами шпалокладчицы. Она была типа юродивой. Ходила постоянно в сатиновых шароварах и цветастой мужской рубашке с засученными выше локтей рукавами. Рая в кино ходила всегда бесплатно. Её обычное кресло в зрительном зале никто, на моей памяти, не занимал. Да и кассиры никогда не продавали билет на седьмое место в первом ряду. Ещё Рая бесплатно ездила на автобусах, даже междугородних. А вот за пиво, водку и папиросы обязательно платила. Был в её слабоумии такой непонятный пункт. Развлекалась «достопримечательность» тоже всегда одинаково. Встретит вальяжную семейную пару и давай приставать к мужику: «Что ж ты, подлец, обещал жениться и обманул?!» От Раи можно было спастись только бегством.

Вальку Филонову я заметил случайно. Почувствовал спиной её настороженный взгляд. Она стояла у ящика тётки-мороженщицы и лопала пломбир. Если бы не эти глаза, я нипочем её не узнал бы. Пышные жёлтые волосы обрели свободу и были пущены с плеч в вольный полёт. И как она умудрялась их заплетать в два куцых мышиных хвоста?! Разительные перемены произошли и в Валькином гардеробе: синяя расклешённая юбка чуть ниже колен, белая блуза с кружевными манжетами и круглым воротничком. Под ней откровенно просматривался бюстгальтер. Но что самое интересное, кое-где по её лицу пробежалась косметика. Вот тебе и Бабка Филониха!

Валька держала мороженое аккуратно, двумя пальцами. Но так, чтобы я сразу увидел белое металлическое колечко с синим гранёным камушком. Естественно, я к ней подошёл, хотел протянуть руку, но, поняв двусмысленность жеста, спрятал её за спину и покраснел.

– Что, хочешь мороженое? – ехидно спросила она.

– Не хочу, – отозвался я. – Сlopал уже две порции, пока тебя дожидался. Пошли, что ли? Скоро первый звонок, в зал уже запускают.

– Пойду, если скажешь, зачем ты меня пригласил.

Вот дура! Хотела загнать в тупик старого ловеласа! Я мог бы повесить ей на уши четыре тонны лапши, но, подумав, решил отпускать только скрытые комплименты. Целомудренность отношений превыше всего.

– Зачем пригласил? – переспросил я и сделал пристрелочный выстрел: – А затем, чтобы ты хоть что-нибудь сделала для меня. Хотя бы пришла.

Валька прожевала вместе с пломбиром услышанное, проглотила и то и другое и опять задала вопрос:

– Почему ты сказал, что я на артистку похожа?

– А на кого же ещё?! – тупо посмотрел я на неё и даже пожал плечами, всем своим видом говоря: «Дура, что ли?! Не сечёшь?»

Филониха промолчала. И я понял: зачтено.

– И что же во мне такого артистического? – жалобно спросила она.

– Потом расскажу. – Я схватил её за руку и потащил в фойе: – Пошли, а то опоздаем!

Мы пробирались к своим местам в полностью заполненном зале. Приходилось протискиваться в узком пространстве между людскими коленями и спинками предыдущего ряда, поминутно бормоча «Извините!».

Услышав шевеление за спиной, дурочка Рая встала, окинула зал внимательным взглядом и сказала:

– Встаньте, падлы! Королева идёт!

«Это было, наверное, самое-самое, что запомнится Вальке надолго, может, на всю жизнь, – думал я, осторожно посматривая на её силуэт. – Фильм можно пересмотреть, оживить в душе былые эмоции. Но не будет уже сотен людских взглядов, направленных на тебя».

Нет, «Неуловимые» ей точно понравились. Во всяком случае, Валька смеялась искренне и раскованно. Я тоже постепенно увлёкся, вжился в сюжет. Всё вроде бы знаю, даже судьбы артистов. А вот атмосфера зала порождала какую-то новизну восприятия, держала меня в кулаке до самого последнего титра. Общее «Ах!» отдавалось в душе, как своё собственное. Настоящие фильмы не умирают. Их смотрят поколениями.

Час пролетел незаметно. Нас подхватила людская волна и вынесла из кинотеатра. Я цепко держал «королеву» за руку, чтобы не потерять. Мы перебрались на другую сторону улицы, где Валька опять стала приставать со своими глупостями:

– Так что же во мне артистического?

Кому что, а барыне – зонтик!

– Глаза, – сказал я, – твои глаза. Ты можешь молчать, они всё за тебя скажут. В театральном училище такому не учат. Это природное. Оно или есть, или нет. А ещё губы. Целовал бы такие всю жизнь, да пока не умею.

Уже и не помню, когда я в последний раз так вдохновенно врал.

– Да?! – неизвестно чему удивилась моя королева. – И что же мои глаза тебе сейчас говорят?

– Они сожалеют, – подумав, ответил я, – что только один пацан обратил на них внимание. Да и тот маленький и невзрачный, но ты...

– Ой! Мой автобус! – неожиданно всполошилась Валька.

Я замолчал, сбитый с мысли, а она чмокнула меня в щёку и упорхнула к остановке. Вот не поймёшь этих баб!

Гнаться за ней я, понятное дело, не стал. Не стариковское это дело, да и ноги не шли. Щёки горели. Что интересно – обе. Люди обтекали меня с обеих сторон, толкали локтями, а я ничего не чувствовал. Стоял, как стамуха в судоходном ледовом канале, и улыбался. Ох, чёрт поберу, как хотелось тряхнуть стариной!

Я нёс её поцелуй до самого дома. Обратный путь пролегал по «вражеской» территории. Но никто из пацанов не остановил, не сказал «дай двадцать копеек», не потребовал закурить, чтобы потом набить морду. Можно сказать, и тут повезло.

* * *

Дед уже закончил пропаривать веники, выставил их сушиться – вдоль забора, на ручки метёлками вверх. Хорошо, у нас только одни соседи и те родственники. А вот Ивану Прокопьевичу в этом плане не повезло. Его участок граничил забором с домовладением Пимовны. И этим всё сказано.

Есть такая примета в кубанских станицах: если веник поставить у двери метёлкой вверх, то ни одна ведьма в дом не войдёт. А если она уже находится в доме, то ни за что не выйдет. Вот тут-то можно смело брать её за хипок¹⁰ и требовать от неё всё, на что колдунья способна: чтобы порча и сглаз обходили семью стороной, чтобы корова доилась на зависть соседям, чтобы дочь вышла замуж за богатого и непьющего мужика.

Екатерина Пимовна считала себя православной, народной целительницей. Она посещала церковь, соблюдала посты. Поэтому ей были обидны намёки даже в виде одинокого веника, стоящего вверх ногами. А тут сразу полсотни. Нет, это уже неспроста!

Проснёшься, бывало, ещё до рассвета, выйдешь по малой нужде в деревянный сортир, или, как говорила бабушка, отхожее место, глядь, а вдоль соседской ограды свечка плывёт в воздухе и голос бабушки Кати: «И остави нам долги наша...» Тут и ежу понятно: быть нынешним днём большому скандалу. Ох и любила Пимовна поругаться с соседями! Особенно когда выпьет. Пила она редко, но так, чтобы все знали. Когда никого не встретит на улице, отвязывалась на мне.

Ремонтирую как-то калитку, ведущую на островок, столб опорный меняю. И тут она:

– Что, чернокнижник, всё копаешь, колдуешь?!

Это после смерти дедушки Вани я у неё стал чернокнижником. Ну, я-то бабушку Катю знаю лучше других. Надо, думаю, подыграть:

– Ах ты ж, – говорю, – старая!.. Да я тебе этот столб в могилу вобью!

Поорала она, покуражилась, отвела душу и была такова. Разыграли мы с ней, короче, спектакль. Через двадцать минут приходит:

– Сашка, пошли вмажем!

А почему бы не вмазать? Из тех, кто жил на нашей улице, когда я ходил в школу, трое нас всего и осталось: я, она и бабушка Зоя – вдова дядьки Ваньки Погребняка. Кто помер, кто уехал из города, кто перебрался в другой район, где вода нашей речушки по весне хату не заливают.

Нет, что бы там ни болтали соседи, а хорошая была бабушка Катя! Штучный товар, истинная казачка, сейчас таких нет.

Это ведь на моих глазах сын её Лёшка женился. До сих пор вспоминаю, не история – песня о настоящей женской солидарности.

Давно было дело. Если мерить нынешним временем, на будущий год, по весне. Лёха тогда институт закончил, уехал строить дороги, неделями пропадал.

¹⁰ За хипок (*жарг.*) – за шиворот.

Сижу я на тутовом дереве, возле её двора, живот набиваю. Смотрю, девушка в калитку стучит, бабушку Катю зовёт. Простенько одета, по-деревенски.

– Здесь, – спрашивает, – Лёша живет, высокий такой, кудрявый, красивый?

– Здесь, – отвечает Пимовна, – это мой сын. А ты по какому вопросу?

– Беременна я от него...

Ну, думаю, деваха попала как кур в ошип! Сейчас ей будет рассказано, кто она есть и почему маме и папе не надо было этого делать.

Только ошибся я. Бабушка Катя вдруг всплеснула руками и почему-то заплакала. Обнимает девчонку, целует:

– Да ты ж моя доченька! Да ты ж моя милая! Да пойдём же скорее в хату! Да пошёл ты, проклятый! – пнула кобелька калошей под зад, чтобы в будку шёл, не путался под ногами.

А будущая сноха... и сама не верит, что встречают её, как родную. Конфузится, ждёт подвоха. Идёт, как сапёр по минному полю.

Притих я на нижней ветке, будто застигнутый на чём-то постыдном. Мне сквозь окошко всё видно, как в телевизоре. И стол, и красное место, на которое девчонка присела. Екатерина Пимовна вокруг неё увивается: на стол накрывает, тащит наряды из сундука, шкатулку с серьгами и бусами...

Чую, нехорошо чужую жизнь препарировать. Надо тикать. Только подобрался к стволу, бабушка Катя во двор вылетает да бегом во времянку. Тут же назад, тащит в руках две трёхлитровые банки с солёными огурцами и помидорами. Я было с дерева, она к колодцу с ведром и плачет.

Всё, думаю, попал! Но тут, слава богу, Лёша нарисовался в самом начале проулка.

– Мамашка! – кричит. – Я премию получил!

Идёт Лёша с портфельчиком, в бежевом костюмчике с искоркой, в тужельках «Нариман», что у нас в КБО шьют. Ну ещё бы – начальник участка!

Увидела его «мамашка», уронила ведро в колодец, спиной передёрнула – и во двор. Схватила поганый веник, которым сметала куриные говны, сын только в калитку – она его этим веником в харю:

– Ах ты ж кобелька проклятый, подлец, сукин сын! Женись, падла! Сей же час собирайся в ЗАГС, или в хату ко мне ни ногой! У меня теперь дочка есть. Будем с ней моих внушек кохать.

И точно! Принесла Лёшке Любаха двух девчонок-близняшек. Так в одночасье закончилась его холостая жизнь.

Нещадно палило солнце. Дед ушёл на работу просить отгул. Бабушка в тени виноградника ошипывала цыплёнка. Я пообедал, походил по двору, не зная, куда себя деть. От нечего делать налил в банку солярки и стал отмывать от смолы лист нержавеющей стали. За этим делом меня и застукал Витька Григорьев. Поуркал, поздоровался и спросил:

– Ты чё на улицу не выходишь?

– И пра, – вставила бабушка, – сходили бы на речку, ополоснулись.

– Ладно, погнались...

Тропинка петляла вдоль плетней и штaketников, тополей и плодовых деревьев. Там вишню сорвёшь на ходу, там яблоко. Не вскапывали ещё придомовые участки, не сажали картошку на уличных огородах.

– Ты чё, в Филонику врюхался? – по пути спросил Витёк.

– Была лахва!¹¹ – отнекался я и сплюнул.

Не хотелось мне ему говорить о своих внутренних побуждениях, всё равно не поймёт. А тут ещё вспомнилось, что осталось всего три дня из отпущенных мне. Как мало я по большому

¹¹ Лахва (местн., искаж.) – лафа. Кубанский говор – вместо «ф» произносить «хв»: бухвет, конхветы...

счёту успел! А ведь нужно ещё сдать бабушке Кате дядьку Ваньку Погребняка, может, успеет вылечить; предупредить Раздабариных, чтобы за младенцем следили: он, как ходить начнёт, останется без присмотра и в нашей речушке утонет...

– Вчера по дворам ходили, – просветил меня Витька, – записывали в новую школу...

Во, кстати, напомнил!

– Ты Наташку Городнюю знаешь? – перебил я его.

– Ту, что жила на соседней улице? – с подозрением уточнил мой дружбан.

– Ну да, Наташка из параллельного класса. Толстая такая, носатая. А почему «жила»?

– Так уехали они с матерью позавчера. Родители развелись, они и уехали. Говорят, в Медвежьегорск. А чё ты спросил?

– И братика младшего увезли?

– Ну да, а чё ты спросил?! – Витька встал, сжал кулаки и повернулся ко мне. Не зря пацаны говорили, что он по Наташке сох.

– А ты тогда чё о Филонихе спрашивал?! – наехал я на него в качестве оправдания.

Но было уже поздно.

– Крову мать! – возопил Казия, пуская правую руку в свободный полёт.

Это было бы очень похоже на классический боковой, если бы Витька сподобился хоть как-то держать защиту. Да, кое-что из моих уроков пошло ему впрок.

Я хотел уже сунуть ему ответку, но передумал. Просто шагнул влево, нырнул под кулак, поймал на излёте другую руку и завернул ему за спину. Мой старый дружбан оказался в позе бича, собирающего окурки. Ему было больно.

– Крову мать! – снова сдавленно прохрипел он. – Пусти, падла!

Мне ничего больше не оставалось, как развернуть его курсом на ближайший забор и сунуть носом между двух соседних штакетин. Иначе быть рецидиву.

– Я тебя не о Наташке спрашивал, а о её младшем брате.

– Крову мать!

Пришлось пару раз повторить и слова, и всю процедуру в целом. Наконец прозвучало осмысленное:

– А чё тебе её брат?

Вот таким он всю жизнь был, психовал ни с того ни с сего. Глядишь, через пару минут – опять человек.

Я отпустил его руку. Витька присел, потирая плечо, очередной раз сказал «крову мать», поднялся и зашагал прочь. Это он типа обиделся. И без толку его догонять, что-то там говорить. Григорьев будет высокомерно молчать, брезгливо дёргать плечом и громко сопеть. Да и, честно сказать, мне было не до него.

Нет, честное слово, Витёк меня ошарашил. Убойная новость о том, что Наташка Городняя умотала из города, ещё раз крепко встряхнула канонический мир моего детства. Дело, впрочем, совсем не в ней, а именно в младшем брате, которого я живым ни разу не видел. Впрочем, и мёртвым тоже, ведь его схоронили в закрытом гробу.

В моей прошлой жизни этот пацан погиб первого сентября во дворе новой школы. Там впервые в истории нашего города клали асфальт, естественно, собралось много зевак, и кто-то его случайно толкнул под каток.

Может, всё суета, подумалось мне, и нет на Земле никакой предопределённости? Даже пять шаров «Спортлото» выпадают из барабана с разным набором цифр. А тут... три с половиной миллиарда человеческих судеб, и у каждой – свобода выбора. Может, смертельный недуг – это следствие, а не причина, и у дядьки Ваньки Погребняка всё сложится по-другому? Пусть всё идёт, как идёт. Неблагодарное это дело – быть предсказателем. Кто-нибудь точно морду набьёт, скажет, что сглазил.

– Так чё тебе её брат? – Григорьев вынырнул из переулка и продолжил прерванный разговор.

Если бы не этот вопрос, полное впечатление, что он напрочь забыл о нашей минувшей ссоре.

– Да так. Он мне двигатель обещал от старой стиральной машинки, – соврал я как можно правдоподобней.

– Он много кому... – начал было Витёк и подозрительно быстро заткнулся. – Так куда купаться пойдём? Все наши сейчас на заставе.

– Упаримся. Туда пилить далеко. Давай на глубинку.

Мы перешли через мостик, выложенный железнодорожными шпалами, и, не стовариваясь, повернули направо. Этот берег реки был солнечным, пляжным. По другой её стороне шли заборы, плетни и деревянные мельницы. Там начинались, вернее, заканчивались соседские огороды.

– А зачем тебе двигатель, – поинтересовался Витёк, – что, стиральная машина сломалась?

– Для дела, – отрезал я.

И тут мой дружбан опять возмутился:

– Слышь, Санёк, а не слишком ли ты стал деловым? Как Напрею рыло начистил, так и забоговал! А я, вроде того, перед тобой мелюзга ссыкливая. Что, трудно сказать? Смотри, я терплю, терплю, а потом жопа к жопе и кто дальше прыгнет!

Я обнял его за плечи и засмеялся:

– Спорим на шалабан, что я вперёд тебя искупаюсь?

– Давай на горячий! – В вишнёвых глазах Витька вспыхнул азарт. – Чур, я считаю: раз, два... три!

И мы сорвались с места.

В детстве я бегал быстрее Казии, но на этот раз он меня обошёл. Сказалась, наверное, моя привычка к размеренной жизни. Он оторвался метра на три и сиганул с берега бомбочкой, не снимая спортивных штанов. Я крикнул «чур ни!» и прыгнул следом за ним, пытаюсь догнать его под водой и щёлкнуть ладонью по бритой макушке. Ну, типа запятнать. Витька тут же ушёл в сторону и вынырнул на другой стороне, за сетчатой перегородкой, где плавали хозяйские гуси. Вода была рыжая, мутная. Наверное, где-то в верховьях прошли дожди.

Мы долго ныряли и плавали, потом отдыхали под мельницей, держась за соседние крылья.

Этот простенький агрегат служил для полива хозяйского огорода. На каждую лопасть прибавалась гвоздями пятилитровая консервная банка из-под яблочного повидла. Туда набиралась вода, поднималась течением вверх, с топовой точки лилась в деревянный желоб и дальше, транзитом, в какую-нибудь ёмкость, чаще всего в корыто. Когда пропадала надобность, между крыльев вставлялся дрын.

К этому времени деревянные мельницы уже выходили из употребления. Их постепенно сменяли электрические насосы. А уже скоро, 3 апреля 1968 года, земснаряд № 306, управляемый Михаилом Вакарчуком, вынет первый кубометр грунта с места будущего водохранилища, Кубанского моря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.